63.3(4Фра)
С 79

Включено
в
каталог

ПРОВЕРЕНО
1939 г.

1941

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1938 г.

1699

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 4 — 7 500 000. 1985 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шт.

9(44)
С79
1965
9180
47576

Ю. Стекловъ.

Революція 1848 года во Франціи.

ИЗДАНІЕ 3-е.

Инв. 1699
№ 44576
ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1959 г.
9(4-9)
242

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

Стеклов
Рев 1848 г. во Фр

4757

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подготовленіе февральской революціи.

Іюльская революція 1830 года («славные дни» 27—29 іюля) положила конецъ легитимной монархіи Бурбоновъ, пытавшихся возстановить во Франціи самодержавіе Божіей милостью. Парижскіе рабочіе, въ союзѣ съ учащейся молодежью и частью городского мѣщанства, разбили королевскія войска, но не сумѣли воспользоваться побѣдой въ своихъ интересахъ. Руководящая роль въ этомъ переворотѣ принадлежала нѣсколькимъ кружкамъ богатыхъ либеральныхъ капиталистовъ, которые задумали и провели іюльскую революцію. Рабочіе же сыграли въ немъ только роль рычага, безсознательной физической силы. Неудивительно, что всѣ плоды народнаго героизма присвоила себѣ крупная буржуазія (банкиры, богатые фабриканты и всякіе денежные тузы). Ея представители, Тьеръ и Лафайетъ, убѣдили народъ не провозглашать республику, которая въ то время насчитывала еще мало сторонниковъ, а признать королемъ герцога Орлеанскаго. Въ молодости герцогъ сражался въ войскахъ первой революціи (1789 г.), а потомъ хотя и бѣжалъ изъ отечества вмѣстѣ съ другими принцами, но никогда не воевалъ противъ Франціи. Луи-Филиппъ считался либераломъ, а его сторонники внушали рабочимъ, что новый король будетъ заботиться о народномъ благосостояніи.

Такъ возникла іюльская монархія, иначе называемая «мѣщанской монархіей». Власть короля была ограничена; избирательный цензъ былъ пониженъ: прежде выбирать депутатовъ могли только люди, платившіе ежегодно 300 франковъ прямыхъ налоговъ; теперь, съ пониженіемъ ценза до 200 франковъ, число избирателей увеличилось со 100.000 до 250.000 человѣкъ; но масса населенія: крестьяне, рабочіе и мелкіе буржуа (лавочники, ремесленники, служащіе), попрежнему лишена была избирательныхъ правъ. Возстановлена была національ-

ная гвардія, уничтоженная въ 1827 году. Въ составъ ея входили представители мелкой и средней буржуазіи, а высшіе офицеры назначались королемъ. Это была вѣрная армія мѣщанской монархіи, защищавшая ее отъ республиканцевъ и рабочихъ. Но подъ конецъ, когда всѣмъ стало ясно, что Луи-Филиппъ царствуетъ въ интересахъ ничтожной кучки богачей, даже національная гвардія отпала отъ него.

Въ первое время послѣ іюльской революціи Луи-Филиппъ разыгрывалъ роль «короля-гражданина». Онъ разгуливалъ по улицамъ Парижа съ зонтикомъ подъ мышкой, пожималъ руки встрѣчнымъ и даже заходилъ въ кабачокъ выпить съ рабочими по стаканчику вина. Но вся эта комедія не измѣнила истиннаго характера мѣщанской монархіи, которая была орудіемъ для подавленія трудящейся массы небольшою группой богачей, захватившей въ свои руки всю политическую и экономическую власть. За всѣ 18 лѣтъ царствованія Луи-Филиппа (1830—1848) не было принято никакихъ мѣръ въ пользу рабочаго класса. Положеніе многочисленнаго во Франціи класса мелкой буржуазіи также ухудшалось, благодаря развитію крупной промышленности и торговли. Многіе ремесленники и лавочники сильно бѣднѣли; другіе вовсе разорялись и становились пролетаріями. Налоги все возрастали и главной тяжестью падали на бѣдные классы, въ томъ числѣ и на крестьянство. Неудивительно, что народное недовольство безостановочно усиливалось.

Разочарованіе народной массы въ мѣщанской монархіи выразилось въ цѣломъ рядѣ заговоровъ и возстаній, которыми отмѣчена первая половина царствованія Луи-Филиппа. «Король баррикадъ» очень скоро забылъ о своемъ революціонномъ происхожденіи; какъ настоящій мѣщанинъ, онъ даже не передалъ своего личнаго имущества націи, какъ дѣлали всѣ другіе короли. А когда рабочіе и часть мелкой буржуазіи увидѣли, что даже вышедшая изъ революціи монархія не хочетъ заботиться о народныхъ интересахъ и старается сохранять и усиливать эксплуатацію народа ничтожной кучкой привилегированныхъ богачей, тогда все большее и большее число французовъ начало стремиться къ установленію республики. Республиканская партія, очень слабая во время іюльской революціи 1830 года, выросла и окрѣпла во время мѣщанской монархіи, такъ что къ началу февральской революціи 1848 г. она оказалась уже довольно

крупной силой, а республиканская идея укоренилась въ головахъ многихъ рабочихъ и мелкихъ мѣщанъ.

Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Луи-Филиппа начались народныя волненія; въ октябрѣ и декабрѣ 1830 года произошли безпорядки во время процесса министровъ прежняго короля, Карла X, которые пытались возстановить самодержавіе и этимъ вызвали іюльскую революцію. Народъ требовалъ ихъ смерти, тогда какъ Луи-Филиппъ, конечно, хотѣлъ спасти ихъ отъ этой участи. Въ 1831 году во многихъ провинціальныхъ городахъ происходили народныя волненія; нѣкоторыя изъ нихъ были вызваны извѣстіями о подавленіи польскаго возстанія императоромъ Николаемъ I и нежеланіемъ французскаго правительства вмѣшаться въ пользу поляковъ, а знаменитое возстаніе въ Ліонѣ (въ ноябрѣ 1831 г.) вызвано было недоразумѣніями между фабрикантами и рабочими. Въ 1832 году въ январѣ въ Парижѣ сдѣлана была попытка къ республиканскому возстанію; въ іюнѣ вспыхнули серьезные безпорядки съ участіемъ рабочихъ и студентовъ Политехнической Школы во время похоронъ либеральнаго генерала Ламарка. Въ 1834 году произошло республиканское возстаніе въ Ліонѣ при дѣятельномъ участіи рабочихъ союзовъ, причемъ сраженіе народа съ войсками продолжалось пять дней (съ 9 по 13 апрѣля); парижскіе республиканцы пытались поддержать его баррикаднымъ боемъ 13 и 14 апрѣля. Мы не говоримъ уже о массѣ покушеній на жизнь короля, изъ которыхъ наиболѣе шума надѣлало покушеніе Фіески въ 1835 году. Въ 1839 году (12 мая) произошла послѣдняя крупная революціонная попытка, подъ руководствомъ знаменитыхъ революціонеровъ-заговорщиковъ Бланки и Барбеса, но она была подавлена; іюльская монархія могла считать себя окончательно упроченной.

Но это была ошибка. Движеніе только ушло вглубь народной жизни и поэтому приняло еще болѣе опасный характеръ.

Во главѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ движеній стояли тайныя общества заговорщиковъ, изъ которыхъ самыя извѣстныя въ исторіи назывались обществами «Правъ Человѣка», «Друзей Народа», «Семействъ» и «Временъ Года». Вначалѣ они состояли, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи и представителей буржуазнаго класса. Но современемъ число рабочихъ въ этихъ обществахъ начало все болѣе увеличиваться, такъ что, въ концѣ концовъ, членовъ изъ рабочаго класса ока-

залось въ нихъ больше, чѣмъ другихъ. Понятно, что этотъ ростъ числа рабочихъ не могъ остаться безъ вліянія на характеръ этихъ тайныхъ обществъ.

Сначала они носили чисто-политическій характеръ; они стремились къ установленію республики, основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ и на радикальной конституціи 1793 года (выработанной Національнымъ Конвентомъ, но не вступившей въ дѣйствіе). Но постепенно чисто-политическіе демократы должны были уступить мѣсто сторонникамъ соціальныхъ преобразованій, которые высказывались противъ всякихъ привилегій, въ томъ числѣ привилегій рожденія и богатства, противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и противъ всякихъ общественныхъ неравенствъ [1]). Они выставили лозунгъ: «всѣ люди—братья» и хотѣли освободить рабочихъ отъ угнетенія капиталистами, хотя не вполнѣ ясно сознавали, какъ добиться этой цѣли. Въ послѣднемъ, основанномъ *Бланки,* обществѣ «*Временъ Года*» идеи революціоннаго коммунизма уже преобладали; это же общество состояло почти исключительно изъ рабочихъ. Общество требовало «соціальной и радикальной революціи», «истребленія аристократіи, финансистовъ, банкировъ, поставщиковъ, монополистовъ, спекулянтовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, жирѣющихъ на счетъ народа». Общество приняло ученіе извѣстнаго революціонера конца XVIII вѣка, Гракха *Бабёфа*, и пропагандировало свои взгляды въ рабочихъ массахъ съ помощью подпольныхъ газетъ, брошюръ и собраній.

Революціонеры начали понимать, что главная роль въ революціонномъ движеніи отнынѣ будетъ принадлежать рабочему классу, многочисленному пролетаріату, вызванному къ жизни и организованному развитіемъ крупной промышленности. Это сдѣлалось яснымъ со времени знаменитаго ліонскаго возстанія въ 1831 году. Ліонъ—второй городъ Франціи, особенно извѣстный своимъ шелковымъ производствомъ. Въ разсматриваемое время ліонская промышленность переживала глубокій кризисъ;

---

[1]) Такъ, напримѣръ, тайное общество «*Правъ человѣка*» заявляло въ 1833 году: «Мы стремимся не столько къ политическимъ перемѣнамъ, сколько къ *соціальному переустройству* общества». Оно требовало равномѣрнаго распредѣленія правъ и обязанностей, уравненія состояній, уничтоженія аристократіи, возродившейся подъ именемъ *буржуазіи,* ограниченія права *собственности,* свободы торговли, *прогрессивнаго* налога на доходы, учрежденія *европейской федераціи,* основанной на принципѣ народнаго суверенитета, и освобожденія *рабочихъ* посредствомъ *организаціи труда*.

она переходила отъ кустарнаго производства къ фабричной индустріи. Рабочіе въ числѣ около 40.000 человѣкъ эксплуатировались не только крупными фабрикантами и скупщиками, но и массой мелкихъ посредниковъ, владѣвшихъ небольшими свѣтелками. Вліяніе новыхъ техническихъ изобрѣтеній, заграничная конкуренція и алчность капиталистовъ привели къ сильному паденію заработной платы, такъ что въ ноябрѣ ткачъ зя 18-часовой трудъ получалъ около 30 копеекъ. Часть рабочихъ организовались въ союзъ взаимопомощи («мютюэллисты»), а фабриканты, съ своей стороны, составили «союзъ фабрикантовъ». Началась борьба между капиталомъ и трудомъ, имѣвшая чисто-соціальный характеръ.

Рабочіе требовали повышенія рабочей платы; ихъ требованія были настолько справедливы, что даже ліонскій префектъ (губернаторъ) отчасти сталъ на ихъ сторону и устроилъ совѣщаніе между представителями рабочихъ и фабрикантовъ для выработки рабочаго тарифа. Фабриканты отказались подчиниться постановленію совѣщанія. Рабочіе рѣшили забастовать, а когда отрядъ національной гвардіи, состоявшій изъ фабрикантовъ, встрѣтилъ мирную толпу рабочихъ выстрѣлами, то въ городѣ вспыхнулъ бунтъ. На черномъ знамени возставшихъ рабочихъ былъ написанъ знаменитый лозунгъ: «*Жить работая или умереть сражаясь*»! Рабочіе овладѣли городомъ, но никому не причинили никакихъ насилій. Хотя движеніе совершенно не имѣло политическаго характера, правительство приняло противъ него рѣшительныя мѣры. Городъ былъ занятъ цѣлой арміей подъ предводительствомъ маршала Сульта и наслѣднаго принца, окруженъ фортами, а движеніе рабочихъ подавлено.

Но, тѣмъ не менѣе, оно произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ, которые почувствовали, что народилась новая общественная сила, и что она своимъ выступленіемъ на историческую арену придастъ новый характеръ политической борьбѣ. Движеніе это носило характеръ соціальной борьбы между двумя главными классами современнаго общества—между буржуазіей и пролетаріатомъ. Оно позволяло судить о тѣхъ грозныхъ потрясеніяхъ, которыя несъ съ собою XIX вѣкъ. На смѣну прежнему господствующему классу шелъ новый могучій классъ, еще не сознавшій вполнѣ своихъ цѣлей и силъ, но обѣщавшій въ будущемъ придать

иной видъ всей человѣческой исторіи. И проницательные наблюдатели сразу поняли всю важность этого явленія.

Постепенно рабочіе начали разочаровываться въ значеніи чисто-политической борьбы и чисто-политическихъ реформъ. Хотя и смутно, они начали стремиться къ такому соціальному перевороту, при которомъ трудъ не эксплуатировался бы капиталомъ, а всѣ плоды труда доставались бы трудящимся классамъ. Въ рабочемъ населеніи крупныхъ промышленныхъ центровъ, а особенно Парижа, все больше распространялись соціалистическія и коммунистическія идеи. И хотя съ 1840 года уже не происходило возстаній, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ народныхъ массъ назрѣвали стремленія, грозившія самымъ основамъ мѣщанской монархіи. Вотъ въ какой образной формѣ выражаетъ свои впечатлѣнія одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ наблюдателей тогдашней французской жизни, геніальный нѣмецкій поэтъ Генрихъ Гейне:

«Я посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо и увидѣлъ, что читали рабочіе, самая здоровая часть низшаго класса. Именно, я нашелъ тамъ нѣсколько новыхъ изданій рѣчей старика *Робеспьера,* а также *памфлетовъ Марата,* изданныхъ выпусками по 2 су, *«Исторію революціи»* Кабэ, ядовитые пасквили *Корменена,* сочиненіе *Буонаротти* «Ученіе и заговоръ Бабёфа»—все произведенія, пахнущія кровью, и тутъ же я слышалъ пѣсни, сочиненныя, какъ будто, въ аду, и припѣвы которыхъ свидѣтельствовали о самомъ дикомъ волненіи умовъ. Нѣтъ, о демоническихъ звукахъ, которыми полны эти пѣсни, составить себѣ понятіе въ нашей нѣжной сферѣ невозможно; надо ихъ слышать собственными ушами, напримѣръ, въ тѣхъ громадныхъ мастерскихъ, гдѣ занимаются обработкою металловъ и гдѣ полунагіе, суровые люди во время пѣнія бьютъ въ тактъ большими желѣзными молотами по вздрагивающимъ наковальнямъ. Такой аккомпаниментъ въ высшей степени эффектенъ, точно такъ же, какъ и освѣщеніе въ то время, когда гнѣвныя искры вылетаютъ изъ печки. Все—только страсть и пламя!

«Какъ одинъ изъ плодовъ этого сѣмени, грозитъ на почвѣ Франціи, рано или поздно, вырости республика» [1]).

---

[1]) Собраніе сочиненій Генриха Гейне, изд. А. Маркса Спб. 1904, т. 2, стр. 30—31.

Но не только республика. Гейне прекрасно понимаетъ, что во время ближайшей революціи коммунистическія идеи будутъ играть значительную роль. Соціалистическое настроеніе французскихъ рабочихъ питалось изъ различныхъ источниковъ. Съ одной стороны, шла пропаганда сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ, разоблачавшая недостатки современнаго экономическаго устройства, съ другой — въ знаменитомъ фантастическомъ романѣ Кабэ «Путешествіе въ Икарію» рисовалась заманчивая картина идеальнаго общежитія, построеннаго на началахъ общей собственности. Множество газетъ, легальныхъ и нелегальныхъ, дешевыхъ брошюръ, романовъ, пропаганда тайныхъ обществъ, разговоры въ мастерской и въ кабакахъ, а, главное, суровые уроки дѣйствительной жизни—все это содѣйствовало распространенію въ широкихъ массахъ недовольства капиталистическимъ режимомъ и стремленію къ новымъ общественнымъ формамъ, обезпечивающимъ существованіе трудящихся.

Рабочіе видѣли, что развитіе новѣйшей фабричной промышленности и введеніе машинъ оставляетъ ихъ безъ работъ и выбрасываетъ здоровыхъ людей, желающихъ трудиться, на мостовую, гдѣ имъ грозитъ голодная смерть: они начали требовать «права на трудъ», т. е. признанія того, что государство обязано доставить работу всѣмъ, кто желаетъ трудиться. Они видѣли, что взаимная конкуренція рабочихъ между собою ведетъ къ пониженію заработной платы и отдаетъ ихъ связанными по рукамъ и ногамъ во власть капиталистовъ; они начали выдвигать новый принципъ «ассоціаціи» (товарищества) на мѣсто пагубной для нихъ конкуренціи. Эти идеи глубоко вкоренились въ сознаніе рабочей массы, хотя не всѣ рабочіе ясно сознавали, какимъ образомъ слѣдуетъ примѣнить эти принципы въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ, масса рабочихъ заговорила о томъ, что необходимо «организовать трудъ».

Выразителемъ бродившихъ въ рабочей средѣ новыхъ стремленій явился молодой республиканскій писатель Луи Бланъ въ своей надѣлавшей шума брошюрѣ «Организація труда», которая вышла въ 1839 году, какъ-разъ въ томъ году, когда подавлено было послѣднее республиканское возстаніе. Основная мысль брошюры сводится къ тому, что въ основѣ всѣхъ бѣдствій рабочаго класса лежитъ конкуренція

рабочихъ между собою и взаимное соперничество отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій. Чтобы положить конецъ такому ненормальному положенію вещей, государство должно доставить средства на основаніе «общественныхъ мастерскихъ», рабочихъ товариществъ, которыя своей конкуренціей постепенно убили бы частныя предпріятія. Прибыль отъ первыхъ мастерскихъ должна употребляться на основаніе новыхъ до тѣхъ поръ, пока вся промышленность не очутится въ рукахъ рабочихъ ассоціацій. Тогда, вмѣсто взаимной грызни и соперничества, въ обществѣ воцарились бы всеобщая солидарность и братство. Въ общемъ, можно сказать, что Луи Бланъ былъ скорѣе представителемъ государственнаго соціализма, чѣмъ революціоннаго коммунизма тайныхъ обществъ; но простота изложеннаго имъ плана, совпадавшаго съ смутными стремленіями множества рабочихъ, доставила ему большую популярность, а затѣмъ и мѣсто во Временномъ Правительствѣ, хотя дѣятельность его во время революціи доказала всю справедливость остроумнаго замѣчанія Гейне, сказавшаго, что Луи Бланъ—это «великій человѣкъ маленькихъ людей».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наканунѣ революціоннаго взрыва.

Луи-Филиппъ и поддерживавшая его партія хотѣли забыть о томъ, что тронъ мѣщанской монархіи былъ воздвигнутъ на камняхъ іюльскихъ баррикадъ. Съ самаго начала своего царствованія «король-гражданинъ» пошелъ по реакціонному пути. Революціонными возстаніями и террористическими покушеніями правительство пользовалось лишь для того, чтобы еще сильнѣе стѣснить печать, ограничить политическія вольности и разрушить враждебныя мѣщанской монархіи организаціи. Въ 1840 году казалось, что правительство достигло своей цѣли. Составленное 29 октября министерство маршала Сульта, въ которомъ главная роль принадлежала министру иностранныхъ дѣлъ Гизо, просуществовало вплоть до февральской революціи, то-есть $7^1/_2$ лѣтъ. Открыто порядокъ съ 1840 года уже не нарушался, и правительство

могло разсчитывать, что ему удалось окончательно раздавить своихъ враговъ. На самомъ же дѣлѣ, именно въ эти годы оппозиція безостановочно усиливалась, ряды ея расширялись, и въ нѣдрахъ народной жизни подготовлялась грозная буря, разразившаяся въ февралѣ 1848 года.

Рѣшившись лицемѣрно соблюдать внѣшнія формы конституціоннаго строя, правительство опиралось на «легальную страну», какъ называлась ничтожная кучка богатыхъ людей (240.000 человѣкъ), пользовавшихся избирательнымъ правомъ, Несмотря на то, что число избирателей, вообще, было ничтожно, округа были вдобавокъ распредѣлены крайне неравномѣрно, такъ что въ одномъ парижскомъ округѣ насчитывалось, напримѣръ, около 3.000 избирателей, тогда какъ въ другихъ округахъ число это не превышало 150—250 человѣкъ. Понятно, что, такимъ образомъ, создавалась почва для избирательныхъ подкуповъ, и правительство беззастѣнчиво пользовалось этимъ средствомъ. Подкупъ, стяжаніе, нажива, спекуляція проникли во всѣ поры высшаго класса; продажность охватила избирателей, депутатовъ, министровъ и т. д. Все правительство превратилось въ акціонерную компанію, въ комитетъ для устройства дѣлъ кучки финансистовъ, банкировъ, денежныхъ мѣшковъ, желѣзнодорожныхъ тузовъ. «Обогащайтесь!»—таковъ былъ лозунгъ этой своекорыстной компаніи, вызывавшей негодованіе всего французскаго общества. И фразистый писатель Ламартинъ выражалъ это всеобщее настроеніе, когда воскликнулъ на одномъ банкетѣ въ 1847 году: «Послѣ пережитыхъ нами революціи свободы (1789 г.) и контръ революціи славы (Первая Имперія), мы увидимъ еще революцію общественной совѣсти и революцію презрѣнія!» Даже сыновья короля не одобряли правительственной политики, чувствуя, что она ведетъ къ революціи.

Французское общество было также крайне недовольно иностранной политикой Луи-Филиппа, которая вполнѣ соотвѣтствовала его внутренней политики. Іюльская монархія, по мнѣнію оппозиціи, не проявляла достаточной энергіи во внѣшнихъ дѣлахъ, даже когда дѣло шло о національномъ достоинствѣ Франціи (напримѣръ, во время столкновеній съ Англіей изъ-за восточнаго вопроса). Правящія сферы избѣгали всякихъ осложненій, которыя могли бы невыгодно отразиться на интересахъ господствующихъ финансистовъ. А между тѣмъ,

со временъ великой французской революціи, когда Франціи приходилось вести войну со всѣми реакціонными европейскими державами, патріотизмъ и любовь къ національной славѣ вошли въ плоть и кровь французскаго народа. Демократы требовали отъ правительства, чтобы оно возобновило революціонную пропаганду и вступилось за права угнетенныхъ національностей. Это стремленіе вовсе не было продуктомъ отвлеченнаго идеализма; напротивъ, оно соотвѣтствовало здраво понятымъ интересамъ Франціи. Для борьбы съ реакціонной коалиціей европейскихъ государей («Священный Союзъ») демократическая Франція должна была опираться на симпатіи всѣхъ либеральныхъ и революціонныхъ элементовъ иностранныхъ государствъ. Такъ, французская демократія требовала защиты Бельгіи отъ Голландіи, Италіи отъ Австріи, мелкихъ германскихъ государствъ и Польши отъ Пруссіи, Австріи и Россіи.

Но правительство Луи-Филиппа, преслѣдовавшее свои эгоистическіе интересы, очень мало считалось съ пожеланіями французскаго народа. Подавленіе польскаго возстанія 1831 года вызвало во Франціи взрывъ негодованія противъ безучастнаго отношенія къ Польшѣ со стороны іюльскаго правительства. Это негодованіе усилилось, когда въ 1846 году Австрія, съ согласія Пруссіи и Россіи, присоединила къ своимъ владѣніямъ вольный городъ Краковъ, послѣдній остатокъ Польской Республики. Министръ Луи-Филиппа, Гизо, дѣйствовалъ совершенно солидарно съ главой европейской реакціи, Меттернихомъ, въ интересахъ «успѣшной борьбы съ революціоннымъ и анархическимъ духомъ». Мало того. Въ то время какъ Англія очень благоразумно поддерживала либеральныя и демократическія стремленія, напримѣръ, въ Швейцаріи и Италіи, французское правительство совмѣстно съ Священнымъ Союзомъ старалось сохранить тамъ старые порядки. Гизо собирался даже вмѣстѣ съ Меттернихомъ оказать военную помощь швейцарскому *Зорденбунду* (союзу іезуитскихъ кантоновъ, направленному противъ демократовъ), и только быстрая побѣда, одержанная швейцарскими радикалами надъ католическими кантонами, спасла Францію отъ такого неслыханнаго позора...

Мелкая буржуазія, которая вначалѣ была вѣрной защитницей іюльской монархіи отъ республиканцевъ и рабочихъ, мало-по-малу начала оставлять ее. Національная гвардія муже-

ственно проливала свою кровь во время возстаній, заполнявшихъ первую половину царствованія Луи-Филиппа, но уже въ 1840 году, во время возвращенія праха Наполеона I съ острова св. Елены, изъ рядовъ ея при проѣздѣ короля раздались крики: «долой Гизо!» Съ тѣхъ поръ Луи-Филиппъ не устраивалъ большихъ смотровъ національной гвардіи, а составъ парижскаго гарнизона былъ значительно усиленъ. Даже часть средней и крупной буржуазіи, а именно торгово-промышленная буржуазія, интересы которой нарушались въ пользу господствовавшей финансовой олигархіи, въ послѣдніе годы іюльской монархіи была настроена оппозиціонно. О настроеніи крестьянской массы трудно было судить, но у нея не было никакихъ причинъ сочувствовать правительству Луи-Филиппа. Однимъ словомъ, противъ мѣщанской монархіи въ концѣ сороковыхъ годовъ оказался почти весь французскій народъ.

Эта огромная масса недовольныхъ распалась на цѣлый рядъ политическихъ оттѣнковъ. Во-первыхъ, *легитимисты*, сторонники законной монархіи съ нѣкоторыми симпатіями къ абсолютизму,—но въ разсматриваемое время они не играли замѣтной роли и, въ общемъ, поддерживали правительство Луи-Филиппа, когда обнаружился его реакціонный характеръ; къ нимъ примыкали крупные землевладѣльцы, часть высшей буржуазіи и отсталое крестьянство западныхъ провинцій. Затѣмъ, шла *династическая лѣвая*, руководимая Одилономъ Барро, и отчасти *лѣвый центръ*, руководимый Тьеромъ (который лично отказался, впрочемъ, принять участіе въ реформаторскомъ движеніи). Эти теченія, представлявшія либеральную часть крупной буржуазіи, высказывались за умѣренныя реформы, за небольшія уступки общественному мнѣнію, понимая, что своимъ упорствомъ въ отстаиваніи привилегій монархія ведетъ свое дѣло къ гибели. Далѣе шли республиканцы. *Умѣренные республиканцы* (получившіе впослѣдствіи названіе «трехцвѣтныхъ республиканцевъ» въ отличіе отъ «красныхъ», т. е. соціалистовъ) представляли среднюю и часть крупной торгово-промышленной буржуазіи. Органомъ этой партіи, сильной своимъ промежуточнымъ, серединнымъ положеніемъ, была газета «Насіональ», выходившая подъ редакціей Армана Марра. Эта партія готова была согласиться на введеніе всеобщаго избирательнаго права, но рѣшительно враждебно относилась къ рабочему классу. Лѣвѣе ея стояли *демократическіе рес-*

публиканцы, представлявшіе интересы мелкой буржуазіи и съ симпатіей относившіеся къ рабочимъ, хотя и отвергавшіе коммунизмъ. Ихъ вождемъ былъ краснорѣчивый Ледрю-Ролленъ, а органомъ—газета «Реформа», въ которой сотрудничали также такіе умѣренные соціалисты, какъ Луи Бланъ. Эта партія стояла за осуществленіе народнаго самодержавія и всеобщаго избирательнаго права, хотя бы путемъ революціи, и за широкія реформы въ пользу низшихъ классовъ. Средину между ней и крайними *революціонными коммунистами* занимала неопредѣленная масса рабочихъ, стоявшихъ за «организацію труда» и, вообще, за широкія соціальныя преобразованія.

Боевымъ лозунгомъ всей оппозиціи, ея непосредственнымъ требованіемъ была *избирательная реформа*, причемъ большинство высказывалось за всеобщее голосованіе. Но правительство оставалось глухо ко всѣмъ требованіямъ; Гизо говорилъ: «Никогда не придетъ день для всеобщаго избирательнаго права»! Петиціи, поступавшія изъ разныхъ мѣстностей Франціи, оставлялись безъ вниманія; предложенія, вносившіяся въ этомъ смыслѣ въ парламентъ, упорно проваливались. Правительство отказалось даже предоставить избирательныя права лицамъ съ образовательнымъ цензомъ, какъ врачамъ, адвокатамъ, нотаріусамъ и т. п., то есть людямъ, занимающимъ въ буржуазномъ обществѣ довольно видное положеніе. Такая же участь постигла всѣ предложенія о парламентской реформѣ, требовавшія, чтобы депутатамъ запрещено было состоять въ то же время на государственной службѣ.

Тогда оппозиція рѣшилась вызвать въ странѣ широкое движеніе въ пользу избирательной реформы и такимъ путемъ оказать давленіе на правительство и послушный ему парламентъ. Средствомъ для воздѣйствія на общественное мнѣніе избрано было устройство политическихъ банкетовъ, которые должны были сыграть роль свободной трибуны передъ продажной трибуной палаты депутатовъ. Первый банкетъ, организованный умѣренными фракціями, состоялся 9 іюля 1847 г. въ Шато-Ружъ (въ Парижѣ). Затѣмъ послѣдовалъ рядъ банкетовъ въ другихъ городахъ, причемъ демократы устраивали свои собранія отдѣльно отъ умѣренныхъ; въ это время въ особенности выдвинулся Ледрю-Ролленъ, провозгласившій въ Шалонѣ тостъ въ честь конвента, избавившаго Францію отъ тираніи королевской власти. Въ воздухѣ запахло грозою.

Сѣмя агитаціи, поднятой представителями средняго и мелкаго мѣщанства, нашло въ народной массѣ благопріятную почву. Во Франціи въ то время происходилъ еще процессъ утвержденія фабричной индустріи, крайне тягостный для рабочихъ и ремесленниковъ; въ сороковыхъ годахъ во Франціи происходитъ цѣлый рядъ стачекъ и народныхъ волненій на экономической почвѣ (самый крупной была стачка въ 1840 г.). Вдобавокъ, въ 1845 и 1846 гг. Францію постигли неурожаи, вызвавшіе въ 1847 г. настоящій голодъ; общій промышленный кризисъ 1847 г. отразился также и на Франціи, такъ что массы рабочихъ потеряли работу и были выброшены на улицу. Въ странѣ вспыхнули голодные бунты (въ Нанси, Реннѣ, Бюзансе и т. д.); въ Бюзансе крестьяне, принимавшіе участіе въ бунтѣ, были подвергнуты смертной казни, что произвело сильнѣйшее впечатленіе въ народѣ и страшно озлобило рабочихъ. А къ концу 1847 года презрѣніе и ненависть народа къ представителямъ правящей клики уже начали прорываться наружу. Въ августѣ покрытыя гербами аристократическія кареты, возвращавшіяся изъ Венсеннскаго лѣса съ празднества, устроеннаго герцогомъ Монпансье, были при проѣздѣ черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье освистаны рабочими, которые швыряли въ нихъ камнями и кричали: «долой воровъ!» А вовремя похоронъ министра юстиціи Мартэна въ толпѣ рабочихъ открыто раздавались революціонные возгласы, несмотря на присутствіе нѣкогда страшной муниципальной полиціи.

Къ этому присоединились волненія среди учащейся молодежи, вызванныя запрещеніемъ лекціи профессора исторіи Мишле (чтенія Мицкевича и Эдгара Кине были закрыты правительствомъ еще раньше). Студенты устроили манифестацію, враждебную «ренегатскому правительству, вышедшему изъ баррикадъ»; а къ началу 1848 г. броженіе среди молодежи достигло апогея: 3-го января 3.000 студентовъ организовали шествіе съ петиціей къ палатѣ депутатовъ, чтобы протестовать противъ нарушенія политической и академической свободы, а оттуда направились въ редакціи оппозиціонныхъ газетъ. Эта демонстрація произвела сильное впечатленіе на парижское населеніе...

28 декабря 1847 г. открылась послѣдняя сессія парламента мѣщанской монархіи, въ которой правительство располагало подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Въ своей тронной рѣчи король рѣшительно высказался противъ изби-

рательной реформы и оскорбительно отозвался о движеніи въ ея пользу, какъ объ «агитаціи, возбуждаемой враждебными или слѣпыми страстями». Оппозиція подняла брошенную ей перчатку, но, потерпѣвши пораженіе въ парламентѣ при голосованіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, снова рѣшила обратиться къ странѣ. Избиратели 12-го парижскаго округа хотѣли было устроить банкетъ 19 января 1848 г., но онъ былъ запрещенъ префектомъ полиціи. Тогда возникъ вопросъ: существуетъ ли во Франціи свобода собраній?

Народъ начиналъ глухо волноваться, и испуганные умѣренные элементы оппозиціи собирались уже отстать отъ движенія, которое рѣшительно переросло своихъ иниціаторовъ; верхъ начали брать въ немъ радикальные элементы. Банкетъ былъ окончательно назначенъ на 22 февраля; національные гвардейцы приглашались явиться въ мундирахъ къ собору Мадлэнъ; туда же должны были придти студенты и рабочіе, чтобы составить кортежъ оппозиціоннымъ депутатамъ, отправлявшимся на банкетъ. Студенты поддерживали крайнія мѣры; изъ департаментовъ получались адреса съ совѣтомъ идти до конца и не уступать правительству. Но когда правительство запретило банкетъ и манифестацію, угрожая прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, оппозиціонные депутаты устрашились и постановили отказаться отъ затѣяннаго предпріятія; даже демократы, собравшіеся въ редакціи «Реформы» рѣшили отказаться отъ банкета. Никто въ тотъ моментъ не вѣрилъ въ возможность возстанія и побѣды надъ войскомъ. Правительство торжествовало.

Но всѣ они забыли о парижскихъ рабочихъ [1]). Взволнованные шумомъ «банкетной компаніи», рабочіе не могли остановиться тамъ, гдѣ этого хотѣла струсившая въ рѣшительный моментъ оппозиція. Развернутыя правительствомъ полицейскія и военныя силы ихъ не пугали; они помнили, что въ 1830 г. они одержали побѣду надъ войсками, и знали, что ихъ отцы и дѣды господствовали въ Парижѣ во время первой французской рево-

---

[1]) Какъ относились либералы къ рабочимъ, видно изъ слѣдующаго факта. Студенты, вначалѣ предполагавшіе устроить свой отдѣльный банкетъ, отказались отъ своей мысли, чтобы не ослаблять впечатлѣнія отъ манифестаціи. Они предложили или, вѣрнѣе, навязали г-ну Барро свое содѣйствіе; но когда они попросили нѣсколько входныхъ билетовъ для рабочихъ, вожаки банкетнаго движенія встрѣтили эту просьбу съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, и студенты, поддержанные газетой «Реформа», съ большимъ трудомъ добились двадцати билетовъ для себя и двѣнадцати для рабочихъ. Оппозиціонная буржуазія опасалась рабочихъ не меньше, чѣмъ правительства.

люціи, въ правленіе Конвента. Эту революціонную традицію въ нихъ поддерживали тайныя общества, напоминавшія парижскому пролетаріату его великое прошлое и рисовавшія ему картину еще болѣе великаго будущаго. Пролетаріатъ стремился не только къ установленію республики и всеобщаго избирательнаго права; онъ хотѣлъ добиться такого общественнаго строя, при которомъ трудящіеся не были бы обречены на рабство и голодовку. Однимъ словомъ, онъ стремился къ основанію республики не только демократической, но и соціальной. И когда буржуазія готова была малодушно отказаться отъ начатаго дѣла, пролетаріатъ собственными силами повелъ его дальше и довелъ его до конца, помимо буржуазіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Низверженіе монархіи и провозглашеніе республики.

Мелкое мѣщанство, а значитъ, и національная гвардія, также были недовольны робостью, вызванной вождями парламентской оппозиціи. 22 февраля съ 7 часовъ утра улицы наполняются рабочими, которые не пошли въ этотъ день на работу. Мало-по-малу бульвары, площадь Согласія и въ особенности площадь Мадлэнъ покрываются толпой, пока еще нерѣшительной и не предпринимающей никакихъ мѣръ. Правительство располагало громадными силами: не считая хорошо организованнаго корпуса городовыхъ, префектъ полиціи Делессеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи корпусъ вышколенныхъ и ненавистныхъ народу муниципальныхъ гвардейцевъ, состоявшій изъ 3.200 человѣкъ, въ томъ числѣ 600 конныхъ (изъ нихъ въ бою приняло участіе 2.800 чел.); затѣмъ, въ Парижѣ и окрестностяхъ собрано было 23.000 солдатъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, инструментами для разрушенія баррикадъ и петардами для поджиганія домовъ; артиллерія также въ изобиліи снабжена была снарядами. Войска имѣли общій планъ, спеціально выработанный для подавленія народнаго возстанія. Кромѣ того, мятежному Парижу угрожалъ огонь окружавшихъ его фортовъ. Но вся эта грозная сила не устояла передъ напоромъ мужественнаго парижскаго пролетаріата.

Молчаливая народная толпа, съ раздраженіемъ смотрящая на войска, одушевляется при видѣ колонны изъ 700 студентовъ,

Рив. [illegible] 1699

которая бодрымъ шагомъ вступаетъ на площадь съ громкимъ пѣніемъ «Марсельезы». Студенты братаются съ рабочими [1]). Присоединеніе студентовъ превращаетъ скопище въ политическую манифестацію, и толпа въ полномъ порядкѣ направляется къ Бурбонскому дворцу, гдѣ засѣдала палата депутатовъ. Солдаты разступаются передъ толпой, которая привѣтствуетъ войска криками: «Да здравствуютъ драгуны!» Драгуны вкладываютъ сабли въ ножны, и, такимъ образомъ, монархіи нанесенъ *первый ударъ*. Толпа оттѣсняется отъ парламента отрядомъ муниципальной гвардіи, состоявшей изъ сверхсрочнослужащихъ на значительномъ жалованьи.

Народъ начинаетъ грабить оружейные магазины; произносится слово «баррикада». Первыя баррикады покидаются рабочими при приближеніи кавалеріи. Толпа отступаетъ передъ солдатами, довольствуясь свистками. Но сойдя съ широкихъ улицъ аристократическихъ кварталовъ и очутившись въ запутанномъ лабиринтѣ узкихъ уличекъ рабочихъ предмѣстій, народъ чувствуетъ себя, какъ дома; воздвигаются прочныя баррикады, и толпа обезоруживаетъ отдѣльные посты и патрули.

Правительство не рѣшается созвать національную гвардію; мэръ 11 округа беретъ на себя починъ, но изъ 8.000 человѣкъ второго легіона является меньше 600. На площади Пантеона собирается часть 12-го легіона; здѣсь же стоитъ толпа народа и 5-ый линейный полкъ. Когда въ рядахъ народа раздаются свистки, національные гвардейцы кричатъ: «да здравствуетъ реформа»; толпа отвѣчаетъ виватами въ честь національной гвардіи, а офицеры 5-го полка пожимаютъ руки командирамъ національной гвардіи.

Ночь прошла тихо. Правительство продолжало концентрировать войска и разставлять на площадяхъ пушки. Министерство составило длинный списокъ подлежащихъ аресту лицъ, въ которомъ фигурировали главные редакторы демократическихъ газетъ, вожди тайныхъ обществъ [2]) и вліятельные дѣятели

---

[1]) Студенты Политехнической Школы, игравшіе такую выдающуюся роль въ 1830 г., на этотъ разъ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Въ теченіе первыхъ двухъ дней они оставались въ своихъ помѣщеніяхъ и вышли на улицу лишь на третій день, чтобы помочь національной гвардіи «возстановить порядокъ».

[2]) Иниціатива движенія не принадлежала тайнымъ обществамъ, которыя въ тотъ моментъ были немногочисленны и плохо организованы (Бланки и Барбесъ сидѣли въ тюрьмѣ со времени возстанія 1839 г.). Они взяли въ свои руки руководство движеніемъ только въ ночь со среды на четвергъ.

республиканской партіи. Правительство велитъ, наконецъ, бить сборъ для національной гвардіи; но мелкая буржуазія, нѣкогда грудью защищавшая іюльскую монархію, теперь настроена демократически. Легіоны пускаются въ путь съ криками: «да здравствуетъ реформа»! и «долой Гизо»! На площади Пти-Пэръ третій легіонъ смѣшивается съ народомъ при кликахъ: «да здравствуетъ реформа»! Драгуны, пытающіеся разогнать толпу, принуждены отпустить передъ вмѣшательствомъ офицеровъ національной гвардіи; а когда отрядъ пѣшихъ муниципальныхъ гвардейцевъ (нѣчто въ родѣ жандармовъ), желая исправить промахъ драгуновъ, бѣглымъ шагомъ спѣшитъ на мѣсто происшествія, то національные гвардейцы берутъ на руку; при видѣ этого небывалаго зрѣлища смущенные жандармы останавливаются. Становится яснымъ, что мелкая буржуазія сочувствуетъ революціонному движенію, полагая, что все оно сводится къ требованію избирательной реформы; это открытіе вноситъ смуту въ ряды сторонниковъ правительства и солдатъ. При крикахъ «да здравствуетъ національная гвардія! да здравствуютъ линейныя войска!» [1]) рабочіе братаются съ солдатами. Въ различныхъ пунктахъ города народъ продолжаетъ обезоруживать отдѣльные отряды муниципальной гвардіи.

Король, увидѣвши, что въ лицѣ національной гвардіи ему измѣняетъ даже буржуазія, рѣшился, наконецъ, разстаться съ Гизо и пригласилъ Моле для переговоровъ о составленіи новаго министерства, не думая, впрочемъ, дѣлать обществу серьезныхъ уступокъ. Вѣсть объ отставкѣ ненавистнаго министра вызвала въ Парижѣ всеобщую радость; во многихъ мѣстахъ городъ былъ иллюминованъ, и народъ высыпалъ на улицы. Около $9^1/_2$ час. вечера на освѣщенныхъ бульварахъ появилась колонна манифестантовъ съ факелами и (первымъ) краснымъ знаменемъ, вышедшая изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и направлявшаяся съ патріотическими пѣснями къ собору Мадлэнъ. Въ празднично настроенной толпѣ смѣшивались рабочіе, буржуа, женщины и дѣти съ бумажными фонариками. На бульварѣ Капуциновъ, у зданія министерства иностранныхъ дѣлъ

[1]) Въ революціонные дни парижскіе рабочіе всегда избѣгаютъ раздражать простыхъ солдатъ, предпочитая до послѣдняго момента пытаться привлечь ихъ на свою сторону и не скрывая своей ненависти только къ такимъ солдатамъ, которые явно отправляютъ полицейскія функціи и служатъ по добровольному найму (вродѣ жандармовъ, муниципальныхъ гвардейцевъ и т. п.).

(Гизо) рота 14-го пѣхотнаго полка преградила путь колоннѣ; во время мирныхъ переговоровъ между начальникомъ отряда и толпой неизвѣстно откуда раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ грянулъ залпъ со стороны солдатъ, и мостовая сразу покрылась убитыми и ранеными. Этотъ залпъ повалилъ іюльскую монархію.

Съ криками! «измѣна! насъ убиваютъ! къ оружію!» толпа разбѣгается по городу. Пять труповъ взваливаютъ на телѣгу, которая движется по бульварамъ при свѣтѣ факеловъ; на телегѣ стоитъ рабочій, который время отъ времени приподнимаетъ трупъ молодой женщины, шея и грудь которой облиты кровью, и кричитъ: «Мщеніе! убиваютъ народъ!».—«Къ оружію!»—грозно отвѣчаетъ толпа. Восточныя предмѣстья города покрываются баррикадами, какъ щетиной; бойцы точатъ сабли, отливаютъ пули и готовятъ патроны. Деревья срубаются; улицы посыпаются битымъ стекломъ и вскапываются, чтобы затруднить движенія кавалеріи и артиллеріи. И грозный призракъ республики величаво спускается съ темнаго неба и паритъ надъ великимъ городомъ, сонъ котораго нарушенъ заунывными звуками набата.

Луи-Филиппъ все еще не сознавалъ всей серьезности положенія. Онъ согласился поручить составленіе министерства Барро и Тьеру (такъ какъ усилія Моле не привели ни къ чему), но въ то же время поставилъ во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ маршала Бюжо, героя Трансноненской улицы (гдѣ въ 1834 г. солдаты произвели страшную рѣзню). Даже въ этотъ критическій моментъ упрямый старикъ не соглашался на избирательную реформу и надѣялся затопить возстаніе парижанъ въ крови. Бойцы баррикадъ встрѣтили новыхъ министровъ криками: «да здравствуетъ республика!» Напрасно Барро и Тьеръ обѣщали въ своей прокламаціи къ жителямъ Парижа «свободу, порядокъ, единеніе и *реформу*». Гласъ народа отвѣчалъ: «Луи Филиппъ велитъ убивать насъ подобно Карлу X. Пусть-же онъ отправляется за Карломъ X!»[1]) .Дѣло было ясно съ того момента, какъ столкновеніе между народомъ и монархіей перешло на баррикады, движеніе пошло подъ республиканскимъ знаменемъ.

---

[1]) Эта коротенькая прокламація составлена была въ редакціи «Реформы» Флокономъ и набрана бывшимъ наборщикомъ Прудономъ.

Въ рядахъ монархистовъ началась деморализація. Тьеръ струсилъ первымъ; сначала онъ совѣтывалъ королю бомбардировать столицу съ помощью вѣрныхъ провинціальныхъ войскъ, а потомъ скрылся. Генералы колебались; отрядъ генерала Бедо былъ окруженъ на бульварахъ народомъ, отдалъ свои пушки и, въ концѣ-концовъ, совершенно разстроился. Въ большинствѣ случаевъ войска отступали передъ побѣдоноснымъ мятежемъ. Единственная серьезная схватка произошла у Шато-д'О' на площади Пале-Рояль, гдѣ муниципальные гвардейцы въ продолженіе двухъ часовъ сопротивлялись народу и такимъ образомъ дали возможность королевскому семейству благополучно бѣжать [1]).

Инсургенты приближались уже къ Тюльерійскому дворцу, когда королевское семейство садилось за завтракъ. Во дворѣ собраны были солдаты и національные гвардейцы, на которыхъ монархія еще разсчитывала. Луи-Филиппа убѣдили выѣхать къ нимъ. Солдаты встрѣтили короля хорошо, а національные гвардейцы громкими кликами: «да здравствуетъ реформа!» заглушили жиденькія восклицанія въ честь короля. Теперь приходилось подумать о спасеніи своей головы. Жирардэнъ редакторъ газеты «Presse», убѣждаетъ короля отречься отъ престола, чтобы сохранить корону хотя бы для своего внука. Луи-Филиппъ, въ концѣ-концовъ, принужденъ на это согласиться, послѣ чего бѣжитъ со своими домочадцами и садится въ наемную карету, при чемъ кое-гдѣ раздаются клики: «смерть Гизо! смерть Луи-Филиппу!» (всемогущій министръ удралъ еще ночью, переодѣтый въ женское платье). Герценъ остроумно замѣтилъ, что Жирардэнъ отказалъ королю отъ мѣста, какъ будто бы онъ былъ фельетонистомъ въ его газетѣ.

Герцогиня Орлеанская, назначенная регентшей въ виду малолѣтія ея сына, которому Луи-Филиппъ передалъ корону, бѣжитъ въ палату депутатовъ, такъ какъ побѣдоносный народъ уже приближается къ Тюльерійскому дворцу. Инсургенты, не встрѣчая сопротивленія со стороны солдатъ и національ, ныхъ гвардейцевъ, врываются въ королевскіе покои; рабочіе

---

[1]) Во время февральскихъ дней было убито: 22 муниципальныхъ гвардейца, 46 солдатъ и унтръ-офицеровъ, 4 офицера—всего въ арміи 72 чел.; изъ народа 196 мужчинъ и 10 женщинъ, всего 206; итого убито 278 человѣкъ. Этого достаточно было для низверженія монархіи и установленія республики.

садятся на тронъ, на карнизѣ котораго предводитель революціонной колонны дѣлаетъ слѣдующую надпись: «Парижскій народъ ко всей Европѣ: Свобода, равенство, братство.—24 февраля 1848 года». Присутствующіе отвѣчаютъ громкимъ возгласомъ: «да здравствуетъ республика!» Послѣдніе муниципальные гвардейцы, находившіеся въ нарядѣ во дворцѣ, бросаютъ свои ружья и патронташи и братаются съ рабочими. Вдругъ выступаетъ высокій человѣкъ, съ горящимъ взоромъ и развѣвающимися волосами; это герой ліонскаго возстанія, Шарль Лагранжъ; «Граждане, то ли намъ нужно?—говоритъ онъ, обращаясь къ толпѣ.—Согнетъ ли Франція свою выю передъ скипетромъ ребенка и женщины? хотите ли вы бабьяго регентства?»—«Нѣтъ, нѣтъ,—восклицаетъ толпа,—не нужно монархіи, не надо регенства!»—«Вы правы друзья мои,—отвѣчаетъ Лагранжъ,—намъ нужна хорошая республика!»—«Въ палату! Въ палату!—кричатъ со всѣхъ сторонъ,—не надо регентства!» И колонна направляется въ палату депутатовъ.

Тѣмъ временемъ новыя толпы врываются въ покинутый всѣми дворецъ и предаютъ разрушенію королевскіе аппартаменты. И тамъ, гдѣ недавно еще властно царило восточное великолѣпіе, чопорный этикетъ и напыщенное лицемѣріе, раздаются веселыя шутки импровизированныхъ артистовъ, пародирующихъ придворный церемоніалъ, и непринужденное веселье пестрой народной толпы. Портретъ маршала Бюжо разрывается штыками, а маршала Сульта подвергается разстрѣлу. Бюстъ короля выбрасывается черезъ окно и сжигается на кострѣ. Женщины изъ народа умащаютъ свои волосы благовоніями, найденными въ туалетѣ королевы. Рабочіе вытираютъ свои сапоги о бархатъ королевскаго трона. Затѣмъ тронъ выносится на улицу: организуется веселая процессія по бульварамъ; у каждой баррикады шествіе останавливается, тронъ ставится на землю и служитъ кафедрой для какого-нибудь народнаго оратора, обращающагося къ толпѣ. Наконецъ, на площади Бастиліи тронъ прислоняютъ къ подножію колонны, воздвигнутой въ честь іюльскихъ бойцовъ, и торжественно сжигаютъ на кострѣ. Послѣ этого толпа направляется къ Ратушѣ...

Пока народъ сражался, за его спиной уже начались интриги и споры о томъ, кому достанется добыча. Послѣ долгихъ пререканій соперничающія редакціи «*Національ*» и «*Ре-*

формы» составили слѣдующій списокъ временнаго правительства: Франсуа Араго, Дюпонъ де л'Эръ, Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Луи Бланъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ. Тѣмъ временемъ въ палатѣ депутатовъ, куда укрылась герцогиня Орлеанская со своими дѣтьми, дѣлались попытки признать регентство. Но въ это время въ палату ворвались инсургенты съ ружьями, саблями и знаменами. Произошла страшная суматоха. Регентша бѣжала, бросивъ своихъ дѣтей. «Долой монархію! Да здравствуетъ республика!»—кричитъ толпа. Ледрю-Ролленъ, пользующійся значительной популярностью, вслѣдъ за нимъ и Ламартинъ требуютъ установленія временнаго правительства. Часть толпы уходитъ въ Ратушу съ Ламартиномъ, чтобы тамъ провозгласить временное правительство. Оставшійся на трибунѣ Ледрю-Ролленъ посреди всеобщаго безпорядка и сумятицы читаетъ списокъ членовъ новаго правительства: Дюпонъ Араго, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Пажесъ, Кремье, Мари. Онъ пропускаетъ имена Флокона, Луи Блана и рабочаго Альбера, внесеніе которыхъ въ списокъ требовали рабочіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не депутаты. Но все равно въ давкѣ и сумятицѣ ничего нельзя разобрать. Одни кричатъ при произнесеніи именъ: «да!», другіе: «нѣтъ, не надо!»; но списокъ объявляется утвержденнымъ и Ледрю-Ролленъ спѣшитъ въ Ратушу, опасаясь чтобы соперники его не предупредили. По старой революціонной традиціи господиномъ Парижа, а значитъ и Франціи, т. е. побѣдителемъ окончательно могъ считать себя лишь тотъ, кто овладѣлъ Ратушей. Побѣда одерживается на барикадахъ, но освящается въ Городскомъ Домѣ. Толпа выходитъ изъ палаты съ криками: «Да здравствуетъ республика! Въ ратушу! Мы не позволимъ обмануть себя, какъ 1830 году!» Рабочіе не замѣчали, что они *уже были обмануты самимъ способомъ назначенія Временнаго Правительства.*

Ратуша уже находилась въ рукахъ побѣдоноснаго народа; здѣсь собрались самые рѣшительные революціонеры, члены тайныхъ обществъ и бывшіе участники республиканскихъ возстаній 1832 и 1834 годовъ. Прибытіе Ламартина, Кремье, Гарнье-Пажеса, а затѣмъ Ледрю-Роллена съ готовымъ спискомъ членовъ Временнаго Правительства, назначеннаго въ потерявшей всякій кредитъ палатѣ депутатовъ, вызываетъ ропотъ и возбуждаетъ недовѣріе: «Насъ обманываютъ, насъ предаютъ»,—раздается

въ вооруженной толпѣ, заполняющей площадь передъ Ратушей, дворъ, лѣстницы и всѣ комнаты Городского Дома. Чтобы избѣгнуть щекотливыхъ объясненій съ «верховнымъ народомъ», Гарнье-Пажесъ, Дюпонъ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Араго съ трудомъ находятъ, наконецъ, комнату, гдѣ они могутъ на свободѣ совѣщаться. Но когда туда приходятъ Луи Бланъ и Флоконъ, назначенные въ составъ Временнаго Правительства голосомъ дѣйствительнаго народа, остальные члены не хотятъ принять ихъ въ свою среду, утверждая, что только тѣ выборы имѣютъ силу, которые произведены въ палатѣ депутатовъ. Но рабочіе еще ломятся въ двери зала, гдѣ засѣдаютъ новые правители Франціи, и волей-неволей послѣдніе принуждены принять въ свой составъ какъ упомянутыхъ двухъ пришельцевъ, такъ и скромнаго рабочаго Альбера, члена тайныхъ обществъ и храбраго баррикаднаго бойца (настоящее имя его было Мартэнъ). Но Арманъ Марра, Луи Бланъ и Флоконъ допущены были только съ титуломъ секретарей.

«Почему именно этимъ людямъ въ руки попала судьба народа?—писалъ Герценъ.—Они заняли мѣсто потому, что нашлись люди довольно смѣлые, чтобы выбирать не на баррикадахъ, а въ бюро журнала (въ редакціи газеты), чтобы провозглашать ихъ имена не на мѣстѣ битвы, а въ побитой камерѣ (палатѣ депутатовъ). *Народу не дали опомниться,* Временное Правительство явилось передъ нимъ совсѣмъ не кандидатами, а готовымъ правительствомъ». Въ его защиту сразу выступила значительная часть національной гвардіи и учащейся молодежи; воспитанники Политехнической школы организовали даже стражу у дверей комнаты, въ которой засѣдало Временное Правительство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Временное правительство.

Впрочемъ, соотношеніе общественныхъ силъ въ разсматриваемый моментъ дѣлало именно такой составъ Временнаго Правительства довольно естественнымъ. Правда, рабочіе-мужественно сражались на баррикадахъ, но не они одни содѣйствовали низверженію іюльской монархіи. Значительную роль въ

возстаніи сыграла также *національная гвардія*, представлявшая *мелкую и среднюю буржуазію;* ея оппозиціонное настроеніе вносило смуту въ правящія сферы, а ея присутствіе на улицахъ, часто среди инсургентовъ, мѣшало войскамъ дѣйствовать съ надлежащей энергіей. Далѣе. Въ общемъ движеніи, которое закончилось февральской революціей, принимали также участіе либеральные монархисты [1]), а особенно «трехцвѣтные» республиканцы, представлявшіе интересы средней, а отчасти также крупной буржуазіи. Они же имѣли связи въ арміи, въ бюрократіи и могли расчитывать, что имъ скорѣе всѣхъ другихъ удастся добиться вліянія на многомилліонное крестьянство, составлявшее главную массу французскаго населенія.

Такимъ образомъ, по своему составу Временное Правительство не могло быть нечѣмъ инымъ, какъ компромиссомъ (сдѣлкой) между различными классами и партіями, общими усиліями которыхъ была низвергнута мѣщанская монархія, и которые собирались раздѣлить между собою ея наслѣдство. Понятно также, что огромное большинство его состояло изъ представителей буржуазіи: крупная буржуазія представлена была Гарнье-Пажесомъ, Мари, Кремье, Дюпономъ; средняя—Марра, Ламартиномъ, Араго; мелкая—Ледрю-Ролленомъ, Флокономъ; наконецъ, рабочій классъ представленъ былъ Луи Бланомъ и Альберомъ, которыхъ остальные члены, какъ мы видѣли, допустили туда съ большой неохотой.

Вступленіе простого рабочаго, механика Альбера, въ составъ Временнаго Правительства, несмотря на его личную безцвѣтность, имѣетъ великое историческое значеніе. *Впервые простой пролетарій* очутился въ рядахъ правительства, задача котораго обыкновенно сводится къ обезпеченію господства высшихъ классовъ надъ трудящимися. Это было какъ бы официальнымъ признаніемъ того значенія, которое пріобрѣлъ новый классъ—пролетаріатъ [2]).

[1]) Легитимисты, враждебно относившіеся къ Луи-Филиппу, какъ къ узурпатору, незаконно захватившему престолъ, также способствовали его паденію; говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ дрались на баррикадахъ, доставляли рабочимъ оружіе, агитировали на улицахъ противъ іюльской монархіи и т. п. Но въ первое время послѣ февральскихъ дней монархисты притаились, готовя ударъ во тьмѣ.

[2]) Когда къ Альберу пришли объявить ему объ его избраніи въ члены Временнаго Правительства, онъ работалъ на фабрикѣ пуговицъ на улицѣ Мюзгъ, гдѣ, по словамъ «*Монитера*», онъ оставилъ «свою рабочую блузу и панталоны».

Рознь между консервативнымъ большинствомъ Временнаго Правительства и его демократическимъ меньшинствомъ сказалась съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. При составленіи первой прокламаціи къ народу, въ которой новое правительство извѣщало его о паденіи монархіи, возникли горячіе споры. Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ и Флоконъ требовали чтобы Временное Правительство немедленно и въ ясной формѣ *провозгласило республику*; Гарнье-Пажесъ, Мари, Дюпонъ и Арго протестовали противъ такого шага подъ тѣмъ предлогомъ, что это будетъ якобы *покушеніемъ на волю* французскаго народа, который долженъ свободно высказаться о желательной ему формѣ правленія; Ламартинъ и Кремье старались придумать такой оборотъ рѣчи, который давалъ бы удовлетвореніе всѣмъ. Остановились, наконецъ, на словахъ: «Временное Правительство предпочитаетъ республиканскую форму правленія».

Эта Прокламація вызвала сильное волненіе въ рабочихъ массахъ; отовсюду: изъ предмѣстьевъ, изъ пригородовъ, сбѣгались рабочіе на площадь Ратуши и заставили замѣнить слова «предпочитаетъ и т. д.» словами «хочетъ республики». Какъ говоритъ Марксъ, «въ день 25 февраля республика еще не была провозглашена, зато всѣ министерскіе портфели были уже распредѣлены[1]) между буржуазными элементами Временнаго Правительства и генералами, банкирами и адвокатами «Національ». Но рабочіе рѣшили не допустить на этотъ разъ такого надувательства, какъ въ іюлѣ 1830 года. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружія. Съ этой вѣстью Распайль отправился въ Ратушу, отъ имени парижскаго пролетаріата онъ *приказалъ* Временному Правительству провозгласить республику: «если это не будетъ исполнено въ теченіе двухъ часовъ,—заявилъ Распайль,—я вернусь сюда во главѣ 200.000 человѣкъ».

[1]) Президентомъ кабинета министровъ назначенъ былъ Дюпонъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ—Ламартинъ, внутреннихъ дѣлъ—Ледрю-Ролленъ, финансовъ—банкиръ Гудшо, военнымъ—генералъ Сюберви, а впослѣдствіи алжирскій генералъ-губернаторъ Кавеньякъ, торговли и земледѣлія—Бетмонъ, морскимъ—Араго, юстиціи—Кремье, народнаго просвѣщенія—Карно, общественныхъ работъ—Мари. Постъ парижскаго мэра захваченъ былъ Гарнье-Пажесомъ, а префекта полиціи—Коссидьеромъ, который явился въ префектуру прямо съ баррикадъ, съ ружьемъ на плечѣ, и взялъ въ свои руки управленіе полиціей «именемъ народа». Такимъ же образомъ Этьенъ Араго, братъ Франсуа Араго, захватилъ центральную почту. Мѣсто парижскаго мэра послѣ Гарнье-Пажеса занялъ впослѣдствіи Арманъ Марра.

Трупы павшихъ бойцовъ еще не успѣли остынуть, баррикады еще не были убраны, рабочіе еще не были обезоружены, и единственная сила, которую можно было имъ противопоставить, была національная гвардія. При этихъ обстоятельствахъ внезапно исчезли соображенія государственной мудрости и юридическая совѣстливость Временнаго Правительства. Еще до истеченія двухъ-часового срока на всѣхъ стѣнахъ Парижа красовались исполинскія историческія слова:

Rèpublique Française! Libertè, Egalitè, Fraternitè!

(Французская Республика! Свобода, Равенство, Братство!»).

Но рабочіе, сыгравшіе такую выдающуюся роль во время революціи, располагавшіе еще оружіемъ и увѣренные въ своей силѣ, не хотѣли, чтобы все дѣло ограничилось чисто политическими измѣненіями. Они стремились къ установленію республики не только демократической (то-есть, основанной на принципѣ народнаго верховенства и всеобщей подачи голосовъ), но и соціальной, заботящейся объ улучшеніи участи рабочаго класса. Символомъ новой эры, новаго порядка вещей для парижскихъ рабочихъ было *красное знамя*. Красный цвѣтъ сдѣлался знакомъ крайней демократіи; на улицахъ появились красные пояса, жетоны, кокарды и банты. Днемъ 25 февраля огромныя толпы рабочихъ наводнили площадь передъ Ратушей, требуя, чтобы правительство признало національнымъ цвѣтомъ красный и замѣнило традиціонное трехцвѣтное знамя, «опозоренное во время правленія Луи-Филиппа», краснымъ знаменемъ парижскаго пролетаріата и баррикадныхъ бойцовъ. Къ этому требованію изъ членовъ Врем. Правительства присоединился только Луи Бланъ, но противъ него энергично возсталъ Ламартинъ, произнесшій горячую рѣчь, которая подѣйствовала на малосознательную массу, еще не отдѣлавшуюся въ то время отъ нѣкотораго шовинистическаго духа. «Ваше красное знамя,— говорилъ онъ рабочимъ,—прогулялось только по Марсову Полю, вываленное въ крови народа [1]), тогда какъ трехцвѣтное знамя обошло весь міръ, разнося имя, славу и свободу отечества». Споръ шелъ, конечно, не о цвѣтахъ, а о двухъ

---

[1]) Намекъ на рѣзню республиканцевъ, устроенную буржуазіей въ 1791 году на Марсовомъ Полѣ въ Парижѣ. Ламартинъ забылъ прибавить, что эта рѣзня организована была тогдашними «трехцвѣтными» умѣренными противъ тогдашнихъ «красныхъ».

противоположныхъ принципахъ; это прекрасно поняли члены тайныхъ обществъ, но они были безсильны измѣнить ходъ событій. Правительство сдѣлало, впрочемъ, частичную уступку рабочимъ, принявши слѣдующее рѣшеніе: «Въ качествѣ символа единенія и признательнаго воспоминанія о послѣднемъ актѣ народной революціи, члены Врем. Правительства и остальные представители власти будутъ носить красный бантъ, который будетъ также прикрѣпленъ къ древку знамени».

Но не успѣло правительство вздохнуть послѣ отраженія первой опасности, какъ пролетаріатъ въ тотъ же день сдѣлалъ новую попытку отстоять свои права. Мы уже говорили о томъ, что въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ среди французскихъ рабочихъ распространились соціальныя идеи, практическимъ выраженіемъ которыхъ были «право на трудъ», «организація труда» и «ассоціація». Черезъ часъ по удаленіи манифестантовъ съ красными знаменами Гревская площадь (передъ Ратушей) снова наполнилась бурной вооруженной толпой, делегація отъ которой отправилась въ зданіе для переговоровъ съ правительствомъ. Во главѣ этой делегаціи стоялъ рабочій по имени Маршъ; блѣдный отъ негодованія и стуча прикладомъ ружья о полъ, онъ именемъ народа потребовалъ отъ правительства признанія *права на трудъ*. Тщетно Ламартинъ снова пытался произнести красивую рѣчь, чтобы пустить делегаціи пыль въ глаза. «Довольно фразъ,—воскликнулъ иронически Маршъ,—довольно поэзіи! Народу онѣ надоѣли, онъ—господинъ и приказываетъ вамъ безотлагательно издать декретъ о правѣ на трудъ» [1]).

Луи Бланъ, стоявшій въ амбразурѣ окна съ Ледрю-Ролленомъ и Флокономъ, быстро набросалъ проектъ, который онъ навязалъ членамъ правительства. Такъ появился знаменитый декретъ, гласившій: «Врем. Прав. французской республики обязуется *обезпечить существованіе рабочаго посредствомъ труда*. Оно обязуется *доставить работу всѣмъ гражданамъ*. Оно признаетъ, что рабочіе должны устраивать ассоціаціи, дабы пользоваться законными плодами своего труда. Врем. Правительство возвращаетъ рабочимъ,

[1]) Во время этихъ переговоровъ Маршъ произнесъ эти знаменитыя, трогательныя слова: «Народъ жертвуетъ къ услугамъ Республики три мѣсяца нищеты».

которымъ онъ принадлежитъ, милліонъ, который долженъ остаться отъ цивильнаго листа». (Послѣдняя фраза, бросающая пролетаріямъ какъ бы подачку, была прибавлена Ледрю-Ролленомъ, плохо знавшимъ настоящій характеръ парижскихъ рабочихъ).

Рабочіе рѣшились ковать, пока горячо. Видя, что правительство ничего не предпринимаетъ во исполненіе своего многообѣщающаго декрета, они скоро возобновили нападеніе. 28 февраля множество парижскихъ цеховъ, въ общемъ около 12.000 рабочихъ, двинулись на Гревскую площадь со своими знаменами, на которыхъ были слѣдующія надписи: *Министерство прогресса; Организація труда; Уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.* Рабочіе выстроились въ молчаніи, и во главѣ посланной ими въ Ратушу делегаціи снова стоялъ Маршъ. Послѣ долгихъ споровъ и угрозы Луи Блана и Альбера выйти въ отставку, сошлись на компромиссѣ: вмѣсто Министерства прогресса или труда рѣшено было учредить *Комиссію* для разработки вопросовъ, касающихся матеріальнаго и моральнаго положенія рабочихъ. Хотя Луи Бланъ понималъ, что это дѣлается для отвода глазъ, но онъ имѣлъ безхарактерность согласиться на предсѣдательство въ этой комиссіи, мѣстопребываніемъ которой назначенъ былъ Люксембургскій дворецъ; Альбертъ назначенъ былъ ея вице-президентомъ.

По этому поводу изданъ былъ декретъ съ громкими фразами о томъ, что «революція, совершенная народомъ, должна быть произведена въ его интересахъ, что пора уже положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ, что рабочій вопросъ есть вопросъ величайшей важности, и что не существуетъ предмета, болѣе достойнаго заботъ республиканскаго правительства», и т. п., а на дѣлѣ все свелось къ тому, что нежелательные члены Временнаго Правительства, какіе ни на есть, но все-таки единственные представители пролетаріата, были удалены отъ государственныхъ дѣлъ, а слѣдовательно — обезврежены. «Такимъ образомъ, — говоритъ Марксъ, — представители рабочаго класса были изгнаны изъ мѣста засѣданій Врем. Правительства, и буржуазная часть послѣдняго удержала исключительно въ своихъ рукахъ дѣйствительную государственную власть и бразды правленія. *Рядомъ* съ министерствомъ финансовъ,

торговли и общественныхъ работъ, *рядомъ* съ банкомъ и биржей учреждена была *соціалистическая синагога*, первосвященники которой, Луи Бланъ и Альберъ, имѣли задачей открыть обѣтованную страну, воззвѣстить новое евангеліе и отвлечь вниманіе парижскаго пролетаріата. Въ отличіе отъ всякой другой обыкновенной государственной власти, они не располагали никакимъ бюджетомъ, никакой исполнительной властью. Они должны были своимъ собственнымъ лбомъ разбить устои буржуазнаго строя. Въ то время, какъ въ Люксембургѣ занимались отысканіемъ философскаго камня, въ Ратушѣ чеканили ходячую монету»[1]).

Подъ давленіемъ вооруженнаго пролетаріата, опьяненнаго своей побѣдой надъ войсками и полицейскими силами монархіи, Временное Правительство принуждено было брать на себя *невыполнимыя обѣщанія*. Нельзя обезпечить всѣмъ гражданамъ работу до тѣхъ поръ, пока существуетъ частная собственность на орудія производства, взаимная конкуренція между капиталистами и между рабочими, производство товаровъ на неизвѣстный рынокъ и т. д., однимъ словомъ, пока существуетъ буржуазное или капиталистическое общество. Но если большинство Временнаго Правительства и не думало посягать на основы буржуазнаго строя, то и сами рабочіе не помышляли о такомъ покушеніи (мы говоримъ о массѣ рабочихъ, а не о малочисленныхъ революціонерахъ, сознательныхъ, но безсильныхъ). Они думали, что имъ удастся устроить свои дѣла въ рамкахъ буржуазнаго общества; они разсчитывали на примиреніе классовыхъ противоположностей и полагали, что для этого достаточно доброй воли и принциповъ свободы, равенства и братства.

---

[1]) Историческое значеніе Люксембургской комиссіи заключалось въ томъ, что въ *первый разъ у рабочихъ спрашивали ихъ собственнаго мнѣнія* о своихъ интересахъ и желательныхъ имъ общественныхъ преобразованіяхъ; учрежденіемъ этой Комиссіи буржуазія официально признавала существованіе и глубокую важность соціальнаго вопроса. Практическими результатами ея дѣятельности (помимо дебатовъ о теоретическихъ вопросахъ) былъ рядъ третейскихъ приговоровъ по дѣламъ о столкновеніяхъ между хозяевами и рабочими, а также нѣсколько декретовъ, изданныхъ подъ вліяніемъ ея Временнымъ Правительствомъ, какъ декретъ 3 марта, установляющій *10-часовой* рабочій день въ Парижѣ и *11-часовой* въ провинціи и ограничивавшій эксплуатацію рабочихъ подрядчиками, декретъ 24 марта о запрещеніи работъ въ тюрьмахъ и ограниченіи работъ въ монастыряхъ и два постановленія 25 марта, коими при мэріяхъ учреждались *справочныя конторы* для пріисканія занятій и воспрещались злоупотребленія при бѣлошвейныхъ работахъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Трагизмъ ихъ положенія заключался въ томъ, что въ моментъ февральской революціи Франція далеко еще не созрѣла для соціалистическаго переворота; о другихъ же странахъ нечего и говорить. Промышленность во Франціи не развилась еще настолько, чтобы съ одной стороны доставить господство индустріальной буржуазіи, а съ другой— сдѣлать рабочій вопросъ національнымъ французскимъ вопросомъ. Напротивъ, какъ мы видѣли, во время іюльской монархіи большая часть промышленной буржуазіи сама принадлежала къ оппозиціи, да и вообще французская промышленность могла держаться только благодаря покровительственнымъ пошлинамъ. Благодаря отсталому развитію промышленности, пролетаріатъ былъ сосредоточенъ большими массами только въ Парижѣ и еще въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ; въ остальной же странѣ онъ жилъ небольшими группами среди другихъ классовъ, былъ разсѣянъ и разъединенъ и тонулъ въ массѣ мелкаго мѣщанства и крестьянства, или вовсе не слыхавшихъ о соціализмѣ, или относившихся къ нему враждебно. Такимъ образомъ, стремясь къ своему классовому освобожденію, онъ шелъ навстрѣчу вѣрному пораженію. Пока буржуазіи казалось, что рабочіе борются только за политическую реформу, она или относилась къ дѣйствіямъ пролетаріата пассивно, или даже оказывала ему поддержку, но когда оказалось, что они хотятъ воспользоваться революціей въ своихъ интересахъ, вся буржуазія ополчилась противъ нихъ.

Временное Правительство, дѣлая рабочимъ мелкія уступки, дѣйствовало не искренно и хотѣло только выиграть время.

Вотъ что говоритъ Токвиль въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, «Угнетенная и испуганная буржуазія впала въ мрачное отчаяніе, которое стало мало-по-малу уступать мѣсто мужеству. Я постоянно былъ того мнѣнія, что нѣтъ возможности урегулировать развитіе февральской революціи мало-по-малу и мирнымъ путемъ, и что оно можетъ быть остановлено *не иначе, какъ посредствомъ рѣшительной битвы на парижскихъ улицахъ*. Я утверждалъ это еще на другой день послѣ 24 февраля; все, что я тогда видѣлъ, приводило меня къ убѣжденію, что такая битва не только была неизбѣжна, но что она должна была произойти очень скоро,

и что *было бы желательно воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы начать ее».*

Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, думало также Временное Правительство. Для достиженія своей цѣли оно избрало два пути: снова создать *армію* и ввести туда *строгую дисциплину*, а во-вторыхъ, *внести разладъ* въ ряды рабочаго класса. 25 февраля, въ первый день республики, въ тотъ самый день, когда правительство вынуждено было признать «право на трудъ», издано было 3 декрета. Первый поручалъ департаменскимъ властямъ принять строжайшія мѣры противъ дезертировъ; вторымъ реорганизовались отряды національной гвардіи, распущенные прежнимъ правительствомъ по мотивамъ политическаго характера; наконецъ, третьимъ декретомъ Временное Правительство, по предложенію *поэта* Ламартина, поручило генералу Дювивье сформировать 24 батальона *мобильной гвардіи* изъ подростковъ отъ 16 до 20 лѣтъ, по 1.000 человѣкъ въ каждомъ батальонѣ. Эти молодые люди, навербованные среди безработныхъ и босяковъ, обыкновенно ведутъ въ столицахъ образъ жизни бродягъ и вообще людей, шляющихся безъ опредѣленныхъ занятій. Въ революціонныя времена эти дѣти парижской мостовой способны на крайнюю храбрость и героическіе поступки; но, въ виду своей молодости, своего неустойчиваго характера и неопредѣленнаго общественнаго положенія, они въ рукахъ дурныхъ руководителей бываютъ способны на величайшія злодѣйства и низость. Кромѣ оружія и мундировъ, правительство выдавало имъ по 1½ франка въ день, то-есть попросту купило ихъ. Такимъ образомъ, противъ парижскаго пролетаріата выдвинута была 24.000-ная армія, набранная изъ молодыхъ, храбрыхъ и здоровыхъ головорѣзовъ. Рабочіе сначала привѣтствовали мобилей, считая ихъ своей *рабочей* гвардіей въ отличіе отъ буржуазной національной гвардіи. Іюньскіе дни разъяснили пролетаріату его ужасную ошибку.

Этого казалось Временному Правительству еще недостаточно. Чтобы создать себѣ гигантскую рабочую армію, которую въ случаѣ нужды можно было бы направить противъ соціалистовъ, правительство рѣшило организовать пресловутыя *національныя мастерскія*. Идея была не нова; мы встрѣчаемъ ее уже во время Великой Французской Революціи (1789—1794). Впослѣдствіи, по созвучію словъ, ихъ

смѣшивали съ «соціальными мастерскими», которыхъ требовали рабочіе въ 40-хъ годахъ, и о которыхъ говорится въ брошюрѣ Луи Блана объ «организаціи труда». Но между ними не было ничего общаго. Въ то время, какъ «общественныя мастерскія» предполагалось организовать по общему плану на товарищескихъ началахъ для борьбы съ фабриками частныхъ капиталистовъ, причемъ онѣ должны были заниматься всѣми отраслями производительнаго труда, *національныя мастерскія* были устроены по совершенно противоположному принципу. Организація ихъ была поручена декретомъ 27 февраля министру общественныхъ работъ Мари, ярому врагу соціализма и рабочаго класса. Какъ впослѣдствіи признавались распорядители національныхъ мастерскихъ, вся эта затѣя предпринята была для того, чтобы вырвать рабочихъ изъ подъ вліянія Луи Блана и возстановить ихъ противъ соціализма [1]).

Рабочихъ употребляли на ненужныя земляныя работы и платили имъ сначала 2 франка, а затѣмъ полтора и, наконецъ, по одному франку. Масса безработныхъ со всѣхъ концовъ потянулась къ Парижу, чтобы записаться въ національныя мастерскія. Уже въ серединѣ марта число рабочихъ достигало 50.000, а къ іюню перевалило за 100.000 человѣкъ. Имъ придана была чисто военная организація. Одиннадцать человѣкъ составляли отдѣленіе; пять отдѣленій — бригаду; четыре бригады — взводъ; четыре взвода—роту, состоящую изъ 900 человѣкъ. Всѣ эти подраздѣленія имѣли свои значки и знамена. Ротные и взводные командиры назначались администраціей. Правительство обманулось въ своей надеждѣ обратить этихъ рабочихъ въ огромную армію, враждебную соціализму; напротивъ, рабочіе организовались, узнали другъ друга и проникли въ національныхъ мастерскихъ, сдѣлавшихся мѣстомъ массовой пропаганды и агитаціи, революціоннымъ духомъ и отчасти соціалистическими идеями. Зато Временному Правительству удалось обратить *негодованіе всей страны противъ соціализма,* яко-бы воплотившагося въ національныхъ мастерскихъ, и *противъ рабочихъ*, на ко-

[1]) Интересно, что демонстрація 28 февраля, выставившая требованіе министерства прогресса и организаціи труда, состоялась *на другой день* послѣ изданія декрета объ основаніи національныхъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе, значитъ, не видѣли рѣшенія соціальнаго вопроса.

торыхъ мелкіе мѣщане и крестьяне начали смотрѣть, какъ на дармоѣдовъ, живущихъ на ихъ счетъ. Это враждебное настроеніе съ особенной силой проявилось въ іюньскіе дни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Временное Правительство (продолженіе.) — Учредительное Собраніе.

27 февраля республика была торжественно провозглашена на Бастильской площади въ присутствіи членовъ Временнаго Правительства и многотысячной толпы народа. Къ этому моменту уже нельзя было опасаться сопротивленія монархистовъ. Еще 24 февраля рабочіе овладѣли всѣми казармами и обезоружили солдатъ, не оказавшихъ при этомъ никакого серьезнаго сопротивленія. На слѣдующій день окружавшіе Парижъ форты одинъ за другимъ признали Временное Правительство. Центральная почта, захваченная съ самаго начала республиканцами, оказала имъ большія услуги. Провинція, непривыкшая къ самостоятельной политической жизни и по традиціи внимавшая голосу столицы, поспѣшила подчиниться ея рѣшенію. Сыновья короля, стоявшіе во главѣ флота и арміи, узнавши, что страна признала республику, сложили съ себя команду и уѣхали къ отцу въ Англію. Казалось, что республика упрочилась окончательно. Хотя масса населенія, и въ особенности буржуазія, опасалась республиканской формы правленія или относилась къ ней совершенно безучастно, но въ первое время никто этого не обнаруживалъ. Напротивъ, всѣ старались прикинуться самыми ярыми демократами, и «гражданскія» чувства расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ. Всѣмъ казалось, что республика сумѣетъ примирить всѣ враждебные элементы. И, быть можетъ, то обстоятельство, что республика не откуда не встрѣтила сопротивленія, погубило ее, не давши ей возможности развить свою энергію въ борьбѣ, которая навѣрное выдвинула бы на первый планъ самые рѣшительные и крайніе элементы.

Хотя февральская революція произведена была противъ исключительнаго господства финансовой плутократіи, тѣмъ не менѣе положеніе послѣдней ничуть не поколебалось. На-

противъ, Временное Правительство всячески избѣгало всего, что могло бы быть истолковано, какъ покушеніе на привилегіи финансоваго міра. Такъ, напримѣръ, оно поторопилось уплатить проценты владѣльцамъ государственной ренты даже до истеченія законнаго срока, установило принудительный курсъ для билетовъ Французскаго Банка и превратило всѣ провинціальные банки въ его филіальныя отдѣленія, усиливши такимъ образомъ владычество финансоваго капитала надъ французской націей. Зато оно задержало въ сберегательныхъ кассахъ всѣ вклады свыше 100 франковъ и обратило ихъ въ государственный долгъ, конфисковавши такимъ образомъ скромные достатки *мелкой буржуазіи* и возстановивши ее противъ республики.

А между тѣмъ мелкое мѣщанство было довольно сильно представлено во Временномъ Правительствѣ; стоитъ указать на такого виднаго его члена, какъ Ледрю-Ролленъ. Но въ томъ-то и дѣло, что при господствѣ современнаго строя *мелкіе буржуа*, даже формально получивши въ свои руки государственную власть, фактически *неизбѣжно принуждены служить интересамъ крупнаго капитала*, настоящаго хозяина буржуазнаго общества. Нѣкоторые члены Временнаго Правительства поступали такъ изъ желанія привлечь крупную буржуазію на сторону республики, задобрить ее и такимъ образомъ обезпечить страну отъ возвращенія реакціи. Но своей политикой они достигали совершенно обратныхъ результатовъ. Склонить высшіе классы къ республикѣ имъ не удалось, зато они озлобляли противъ нея *мѣщанство и крестьянъ*, какъ это показала судьба добавочнаго налога.

Естественно, что революціонныя потрясенія вызвали застой въ дѣлахъ и нарушили нормальное положеніе государственныхъ финансовъ. Временное Правительство нуждалось въ средствахъ; оно изнывало въ тискахъ безостановочно растущаго дефицита. Заемъ ему не удался; вмѣсто предполагавшихся 100 милліоновъ франковъ собрано было всего 400 тысячъ. Патріотическое воззваніе къ пожертвованіямъ также многаго не дало. Правда, рабочіе отдавали послѣдніе гроши, семейныя драгоцѣнности, заработную плату, но богачи остались глухи къ призывамъ республиканскаго правительства. Тогда оно рѣшилось ввести новый *налогъ*, но не на богатые классы, какъ это слѣдовало бы сдѣлать, а опять-

таки *на бѣдныхъ* людей. Оно прибѣгло къ старому способу прежнихъ монархическихъ правительствъ и заставило платить за всѣхъ мужика. Оно установило добавочный налогъ въ размѣрѣ 45 сантимовъ на каждый франкъ, то-есть увеличило прямые налоги почти въ полтора раза, такъ что расплачиваться за февральскую революцію пришлось крестьянамъ. Это страшно озлобило крестьянъ противъ Временнаго Правительства, противъ республики вообще и въ особенности *противъ парижскихъ рабочихъ*, такъ какъ реакціонеры старались увѣрить мужика, что во всемъ виноваты соціалистическіе рабочіе Парижа, роскошествующіе на его счетъ.

Несмотря на умѣренную политику Временнаго Правительства, буржуазія начала проявлять свое недовольство, находя ее все-таки слишкомъ еще демократической. Такъ, когда правительство рѣшило ввести однообразную обмундировку въ національной гвардіи и уничтожить гренадерскую роту, набиравшуюся изъ богатыхъ мѣщанъ, буржуазные національные гвардейцы 16 марта устроили враждебную правительству реакціонную демонстрацію такъ называемыхъ «медвѣжьихъ шапокъ» (головной уборъ гренадеръ). Раздавались крики противъ коммунизма, Ледрю-Роллена и вообще противъ «красныхъ». Такимъ образомъ, рабочіе, желавшіе протестовать противъ реакціонной буржуазной манифестаціи, попали въ неловкое положеніе, такъ какъ имъ волей-неволей приходилось выступить въ защиту Временнаго Правительства.

На слѣдующій день, 17 марта, состоялась эта грандіозная, но двусмысленная манифестація, въ которой приняло участіе около 150.000 человѣкъ. Первоначальной цѣлью этой манифестаціи, подготовлявшейся въ клубахъ, было придать правительству болѣе революціонный характеръ, очистить его отъ консервативныхъ членовъ, потребовать удаленія войскъ изъ Парижа и принудить его отсрочить выборы въ Національное Собраніе, назначенное на 9 апрѣля (предполагалось открыть Собраніе 20 апрѣля). Рабочіе хотѣли, чтобы демократамъ и соціалистамъ дано было время ознакомить малосознательную и индифферентную массу съ республиканскими и демократическими идеями, и поэтому они требовали, чтобы выборы были отложены до 31 мая. Но реакціонная демонстрація, устроенная 16 марта буржуазными національными гвардейцами, нѣсколько измѣнила характеръ предполагав-

шихся дѣйствій. Такъ какъ реакціонеры наканунѣ кричали «долой Ледрю-Роллена», то революціонерамъ пришлось кричать 17 марта: «Да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ! Да здравствуетъ Временное Правительство»! Чтобы дать отпоръ реакціонной буржуазіи, рабочимъ пришлось выступить въ защиту буржуазной республики, которая казалась имъ въ опасности, и вмѣсто того, чтобы подчинить себѣ Временное Правительство, они упрочили его положеніе.

Крайніе клубисты, руководимые Бланки, думали воспользоваться этой демонстраціей для новаго переворота и установленія революціонной диктатуры, но въ виду настроенія массы и поведенія одной части революціонеровъ, которые (какъ, напримѣръ, Кабэ и Барбесъ) стали на сторону Временного Правительства, имъ пришлось отказаться отъ своего плана. Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ приложили всѣ свои усилія и пустили въ ходъ всю свою популярность, чтобы спасти своихъ консервативныхъ товарищей. Имъ удалось успокоить народъ, и величественная демонстрація кончилась ничѣмъ. Правда выборы были отложены до 23 апрѣля, но общая политика Временнаго Правительства не измѣнилась, а войска продолжали стягиваться въ столицу. Марра, замѣнившій Гарнье-Пажеса въ должности парижскаго мэра, систематически возстановлялъ національную гвардію противъ коммунистовъ, «сторонниковъ анархіи и грабежа». Министръ общественныхъ работъ Мари старался возбудить противъ соціалистовъ рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ. Въ такомъ же духѣ черезъ посредство генерала Дюбивье, пріятеля Армана Марра, обрабатывалась мобильная гвардія. А для внесенія раздоровъ въ ряды революціонеровъ правительство не остановилось передъ гнусной клеветой, пытавшейся набросить на великаго революціонера Бланки подозрѣніе въ предательствѣ [1]).

Въ виду этого рабочіе начали подготовлять новую мирную манифестацію, имѣвшую цѣлью снова напомнить Временному Правительству, что главная его задача на ихъ взглядъ заключается въ уничтоженіи рабскаго положенія пролетаріата. Предупрежденное Луи Бланомъ о предстоящей манифестаціи, правительство рѣшило на этотъ разъ принять

[1]) На эту удочку попался честный, но вспыльчивый и недальновидный Барбесъ.

противъ рабочихъ строгія мѣры. 16 апрѣля рабочіе собрались на Марсовомъ Полѣ, чтобы обсудить выборы въ генеральный штабъ національной гвардіи. Агенты правительства распространили по городу нелѣпые слухи о томъ, что рабочіе начали грабить магазины, что они убили нѣсколько членовъ Временнаго Правительства и т. п. Ледрю-Ролленъ приказалъ бить сборъ; сбѣжались буржуазные національные гвардейцы, и когда ничего не подозрѣвавшіе рабочіе явились къ ратушѣ, то они были встрѣчены яростными криками: «долой коммунистовъ! смерть Бланки! долой Кабэ»! Несмотря на мирное поведеніе рабочихъ, на нихъ съ этого дня начали смотрѣть, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ; національная гвардія прониклась увѣренностью, что она спасла отечество и общество отъ гидры анархизма, а правительство подъ шумокъ ввело въ Парижъ новые полки.

Съ этого плачевнаго дня начинается *открытая* реакція буржуазнаго общества противъ рабочаго класса. Въ этой атмосферѣ раздраженія и недовѣрія состоялись выборы въ Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. «Вмѣсто нѣкоторыхъ только фракцій буржуазіи всѣ классы французскаго общества получили доступъ къ политической власти, принуждены были оставить ложи, паркетъ и галлерею, и въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ выступить на революціонную сцену» (Марксъ). Старые демократическіе взгляды получили сильный ударъ; на мѣсто воображаемаго народа обнаружился дѣйствительный народъ, то-есть тѣ различные классы, на которые онъ распадается, съ ихъ интересами, взглядами и предразсудками. «Соціальная и демократическая республика», о которой мечталъ парижскій пролетаріатъ и которую онъ отчасти навязалъ Временному Правительству, уступила мѣсто буржуазной республикѣ, то-есть организаціи господства буржуазнаго капитала надъ всѣми трудящимися классами.

Избирательная агитація отличалась большой живостью (предстояло выбрать 900 депутатовъ). Консервативные и реакціонные элементы ловко воспользовались всѣми промахами революціонеровъ; они сумѣли втолковать ограниченнымъ мѣщанамъ и крестьянамъ, что во всѣхъ бѣдахъ виноваты соціалисты, даже въ торгово-промышленномъ кризисѣ, отъ котораго страдала мелкая буржуазія, и введеніе добавоч-

наго 45-сантимнаго налога, противъ котораго возмущались крестьяне. Буржуазія и провинціальные землевладѣльцы при содѣйствіи католическаго духовенства распространяли среди крестьянъ самыя нелѣпыя сказки про «красныхъ» и «дѣлителей», которые хотятъ, дескать, отнять у бѣднаго человѣка его клочекъ земли и корову [1]). Всѣ классы, напуганные соціализмомъ, сплотились вокругъ крупной буржуазіи и вылѣзшаго на Божій свѣтъ дворянства, и выборы окончились полнымъ пораженіемъ крайнихъ республиканцевъ и коммунистовъ.

Съ другой стороны, выборы доставили неожиданный успѣхъ роялистамъ. Точно опредѣлить ихъ число трудно, такъ какъ въ то время всѣ реакціонеры надѣвали республиканскую и демократическую маску; поэтому одни изслѣдователи принимаютъ ихъ число около 100—150 человѣкъ, другіе же думаютъ, что монархистамъ въ Національномъ Собраніи принадлежало половина всѣхъ мѣстъ (450 изъ 950), но тонъ въ Собраніи задавали умѣренные, буржуазные или трехцвѣтные республиканцы, которые при содѣйствіи монархистовъ располагали огромнымъ большинствомъ противъ мелкобуржуазныхъ демократовъ, группировавшихся вокругъ Ледрю-Роллена и соціалистовъ.

Даже очагъ революціи, *Парижъ, голосовалъ* въ массѣ *за умѣренныхъ,* а это показывало, какъ враждебно мелкая буржуазія была настроена противъ соціализма и всего, что стояло къ нему болѣе или менѣе близко. Въ то время какъ Ламартинъ получилъ 250.000 голосовъ, Луи Бланъ прошелъ только въ концѣ списка однимъ изъ послѣднихъ въ 121.000 голосовъ (необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что Люксембургская Комиссія и революціонные клубы выставили отдѣльныхъ кандидатовъ, такъ что народные голоса раздробились).

Въ учредительномъ Собраніи 1848 года, говоритъ Токвиль, «было гораздо болѣе крупныхъ собственниковъ и даже

---

[1]) А. Токвиль, злѣйшій реакціонеръ, но талантливый писатель и умный наблюдатель, замѣчаетъ: «Я не думаю, чтобы не было никакой возможности возбудить революціонныя страсти даже и въ деревняхъ. Во Франціи всѣ (?) земледѣльцы владѣютъ какимъ-нибудь клочкомъ земли и большею частью обременены долгами: поэтому революціонеръ слѣдовало бы наложить руки не на землевладѣльцевъ, а на *собственность,* и объявить *уничтоженіе* не права собственности, а *долговъ.* Демагогамъ 1848 года не пришло на умъ такое средство». Какъ сказать со стороны врагъ, это недурно.

представителей старинной аристократіи, чѣмъ въ какой-либо изъ прежнихъ палатъ, члены которыхъ выбирались въ такое время, когда только люди съ деньгами могли участвовать въ выборахъ и могли быть выбраны. Кромѣ того, въ немъ представители духовенства были и болѣе многочисленны, и болѣе вліятельны, даже чѣмъ въ эпоху Реставраціи; я насчиталъ въ немъ трехъ епископовъ, нѣсколько генеральныхъ викаріевъ и одного доминиканца, тогда какъ Людовикъ XVIII и Карлъ X успѣли добиться избранія только одного аббата». Соціалистовъ (вѣрнѣе, крайнихъ демократовъ) также было немало; среди нихъ мы встрѣчаемъ: Коссидьера, Флокона, Луи Блана, Альбера, Распайля, Піа, Рейно, Греппо, и т. д.; но особенной роли ихъ группа играть не могла.

Въ общемъ выборы прошли спокойно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ Лиможѣ, Ліонѣ и Руанѣ, произошли волненія, при чемъ въ Руанѣ національная гвардія и регулярныя войска произвели рѣзню среди рабочихъ, недовольныхъ пораженіемъ своихъ кандидатовъ.

4 мая торжественно открылось Національное Собраніе, которому суждено было погубить Вторую Республику. Выслушавши отчеты Временнаго Правительства, оно приняло резолюцію, гласившую, что «Врем. Правительство хорошо послужило отечеству», и выбрало Исполнительную Комиссію изъ пяти членовъ, которая уже своей властью назначила министровъ. Изъ 794 поданныхъ голосовъ Араго получилъ 725, Гарнье-Пажесъ — 715, Мари — 702, Ламартинъ — 645 и Ледрю-Ролленъ—всего 468. Ламартинъ получилъ только 645 голосовъ, такъ какъ Національное Собраніе хотѣло наказать его за то, что онъ, во-первыхъ, не былъ заядлымъ реакціонеромъ, а во-вторыхъ, настаивалъ на избраніи мелко-буржуазнаго демократа Ледрю-Роллена. Представители консервативной буржуазіи Араго, Мари и Гарнье-Пажесъ, получили огромное большинство голосовъ, а соціалисты Луи Бланъ и Альберъ вовсе были устранены изъ состава правительства. Предложеніе Луи Блана объ учрежденіи министерства труда и прогресса было отклонено. Министры были назначены, главнымъ образомъ, изъ среды «трехцвѣтныхъ» республиканцевъ, группировавшихся вокругъ редактора «Національ», Армана Марра.

Все яснѣе проявлявшаяся реакціонность Собранія должна

была, конечно, возбудить подозрѣнія народа. Къ этому присоединилось недовольство рабочей массы иностранной политикой республики. Однимъ изъ первыхъ шаговъ Временнаго Правительства было обращеніе къ иностраннымъ дворамъ съ увѣреніемъ въ мирныхъ намѣреніяхъ французской республики. Пролетаріатъ же хотѣлъ, конечно, революціонной пропаганды; онъ инстинктивно чувствовалъ солидарность всѣхъ угнетенныхъ, къ какой бы націи они ни принадлежали; вдобавокъ, онъ въ этомъ отношеніи оставался вѣренъ старой традиціи французской демократіи. Февральская революція послужила сигналомъ къ революціоннымъ вспышкамъ почти во всѣхъ европейскихъ странахъ (Австріи, Германіи, Италіи и т. д.). Но особенно французскіе рабочіе интересовались судьбой Польши, этой «Франціи Сѣвера», въ которой они видѣли передовой форпостъ революціи на востокѣ Европы и *оплотъ европейской цивилизаціи отъ восточнаго варварства.* Французская революція возбудила надежды среди поляковъ; они возстали въ Пруссіи, но были жестоко подавлены при молчаливомъ потворствѣ республики.

Рабочіе рѣшили устроить манифестацію для того, чтобы принудить Національное Собраніе измѣнить свою внѣшнюю, а если возможно, то и внутреннюю политику. 15 мая 150.000 рабочихъ двинулись по бульварамъ съ криками въ честь Польши. Въ Національномъ Собраніи въ это время обсуждался вопросъ объ иностранной политикѣ; вдругъ въ залъ засѣданій ворвалась толпа. Распайль въ качествѣ делегата отъ народа прочиталъ съ трибуны петицію въ пользу возстановленія Польши; Барсовъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ требовалъ, чтобы Собраніе объявило восточнымъ державамъ войну въ интересахъ Польши и установило милліардный налогъ на богачей. Само собою разумѣется, что, выступая въ защиту угнетенной польской національности, народъ не могъ въ то же время забыть о своихъ собственныхъ интересахъ. И вотъ, когда по требованію толпы на трибуну взошелъ великій вождь пролетаріата Бланки, то онъ заговорилъ какъ о возстановленіи Польши, такъ и о нуждахъ пролетаріата; онъ требовалъ слѣдствія по поводу Руанскихъ событій, предоставленія работы безработнымъ и упрекалъ Собраніе за то, что оно удалило изъ среды правительства представителей рабочаго класса.

Въ толпѣ раздавались самыя разнообразныя восклицанія: «Уйдемъ отсюда! Организація труда! Министерство труда! *Налогъ на богатыхъ людей!* Да здравствуетъ Польша»! Среди всеобщей сумятохи распространился слухъ, что въ городѣ бьютъ тревогу, и что созываютъ національную гвардію. Послышался отдаленный бой барабана. Блѣдный какъ смерть, Барбесъ восклицаетъ съ яростью: «Кто бьетъ тревогу? Пусть тѣ, которые приказали бить тревогу, будутъ объявлены внѣ закона»! Въ толпѣ раздались возгласы: «Намъ измѣняютъ! Къ оружію! Идемъ въ Городскую Ратушу»! Въ это время на трибуну всходитъ клубистъ Гюберъ [1]) и громовымъ голосомъ, покрывающимъ сильный шумъ, восклицаетъ: «Отъ имени народа, обманутаго своими представителями, я объявляю Національное Собраніе распущеннымъ»! Толпа, повторяя событія 24 февраля, приступаетъ къ избранію новаго Временнаго Правительства (Луи Бланъ, Барбесъ, Бланки, Распайль, Ледрю-Ролленъ, Альберъ, Коссидьеръ, Гюберъ, Лагранжъ и Этьенъ Араго). Часть революціонеровъ, съ Альберомъ и Барбесомъ во главѣ, отправляются въ Ратушу, чтобы тамъ провозгласить новое правительство.

Но уже сбѣгаются мобильные и національные гвардейцы. Оставшіеся въ Собраніи рабочіе разсѣяны. Начались репрессіи. Альберъ, Бланки, Барбесъ и другіе дѣятели этого тревожнаго дня были арестованы. Революціонные клубы были закрыты, парижскій гарнизонъ усиленъ. Однимъ словомъ, результаты этой плачевной демонстраціи свелись къ аресту самыхъ опытныхъ революціонеровъ и къ окончательному разрыву между *пролетаріатомъ* и *мелкой буржуазіей*. 15 мая испугавшіеся за свои лавочки національные гвардейцы внѣ себя бѣгали съ ружьями въ рукахъ по улицамъ, крича, что Барбесъ, овладѣвши Ратушей, отдалъ столицу на разграбленіе рабочимъ въ теченіе двухъ часовъ. Уже въ этотъ день мѣщане показали, что когда ихъ матеріальнымъ интересамъ угрожаетъ хотя бы мнимая опасность, они готовы во рвеніи перещеголять жандармовъ и полицію. Безъ прокурор-

---

[1]) Гюберъ былъ крайне подозрительной личностью. Вообще, существуетъ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ событіяхъ 15 мая немалую роль играли агенты-провокаторы. Буржуазіи выгодно было наканунѣ рѣшительной битвы арестовать вождей рабочаго класса и такимъ образомъ обезглавить пролетаріатъ.

скаго разрѣшенія, безъ понятыхъ, національные гвардейцы ворвались въ домъ помощника Коссидьера Собріэ, который они разграбили, къ матери Бланки, къ Распайлю, къ Кабэ и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пораженіе пролетаріата—Іюньскіе дни.

Съ расторженіемъ союза между мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ рабочій классъ, лишенный вождей и организаціи, не имѣющій ясно сознанной программы, очутился въ полной власти «трехцвѣтныхъ» республиканцевъ, которые объединиллсь съ монархистами и открыто начали готовиться къ усмиренію рабочихъ. Даже Луи Бланъ, несмотря на всю свою умѣренность и полную непричастность къ попыткѣ 15 мая, чуть-было не попалъ подъ судъ. Но главная злоба реакціонеровъ направилась противъ національныхъ мастерскихъ, которыя со своими 100.000 рабочихъ, организованныхъ по-солдатски, казались вѣчной угрозой буржуазному обществу. Начиная съ 15 мая, лозунгомъ буржуазіи сдѣлалось: «съ этимъ нужно покончить»! И событія пошли ускореннымъ темпомъ.

Около этого времени на сцену выдвинулся Луи Бонапартъ (будущій императоръ Наполеонъ III). Племянникъ Наполеона I, онъ смотрѣлъ на себя какъ на законнаго наслѣдника французскаго трона. Въ царствованіе Луи-Филиппа онъ сдѣлалъ двѣ неудачныя попытки овладѣть короной (въ 1836 и 1840 г.г.). Присужденный за вторую попытку къ пожизненному заключенію въ крѣпости Гамѣ, онъ бѣжалъ оттуда въ 1846 году. Послѣ февральской революціи онъ хотѣлъ-было водвориться въ Парижѣ, но Временное Правительство посовѣтовало ему уѣхать. На дополнительныхъ выборахъ 5 іюня 1848 года Луи Бонапартъ былъ избранъ въ Парижѣ и трехъ департаментахъ [1]). Исполнительная Комиссія, почуявъ опас-

[1]) Эти же выборы послали въ Собраніе нѣкоторыхъ представителей «крайнихъ» мнѣній (наприм., Прудона и Пьера Леру), что еще больше сблизило буржуазію противъ пролетаріата.

ность, хотѣла выслать его изъ Франціи на основаніи закона о претендентахъ на престолъ, но Національное Собраніе высказалось противъ этого. Здѣсь начиналось уже то смѣшеніе предразсудковъ и интересовъ, которое впослѣдствіи доставило этому низкому авантюристу французскій престолъ. Всѣ общественные классы и всѣ партіи начали благосклонно и съ надеждой посматривать на него. Крестьяне думали, что онъ избавитъ ихъ отъ налоговъ и укрѣпитъ ихъ землевладѣніе; рабочіе разсчитывали, что этотъ авторъ пары демагогическихъ брошюръ рѣшитъ вопросъ объ организаціи труда; буржуазія взирала на него съ надеждой, что онъ укротитъ революцію и спасетъ общество, а монархисты ничего не имѣли противъ того, чтобы честолюбивый интриганъ задушилъ ненавистную республику.

Дальнѣйшій ходъ событій фатально велъ къ столкновенію.

20 мая Сенъ-Роммъ и министръ общественныхъ работъ Трела высказываются противъ національныхъ мастерскихъ, вызывающихъ ростъ финансоваго дефицита. 24 мая Трела сообщаетъ директору мастерскихъ Эмилю Тома, что правительство собирается издать распоряженіе о принужденіи холостыхъ рабочихъ отъ 18 до 25 лѣтъ поступить въ армію. 30 мая іезуитъ Фаллу, глава ультрамонтановъ, читаетъ въ Собраніи докладъ, представляющій сплошной обвинительный актъ противъ національныхъ мастерскихъ и требующій ихъ закрытія. Въ началѣ іюня противъ рабочихъ принимается цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, но правительство все еще боялось вызвать въ стотысячной массѣ взрывъ отчаянія, и Трела исходатайствовалъ новыхъ 3 милліона на содержаніе мастерскихъ. Наконецъ, 21 іюня появился декретъ Исполнительной Комиссіи, обязывавшій всѣхъ рабочихъ національныхъ мастерскихъ отъ 18 до 25 лѣтъ или записаться въ солдаты, или отправиться на земляныя работы въ провинцію. Делегаціи рабочихъ, посланной къ Мари для переговоровъ, министръ грубо отвѣтилъ, что кто не подчинится добровольно, противъ того употреблена будетъ сила.

Провоцированные рабочіе рѣшили поднять брошенную имъ перчатку. Съ колокольни собора Св. Сульпиція снова раздался набатъ, которымъ въ послѣдній разъ «обманутый пролетарій звалъ своихъ братьевъ къ оружію» (Герценъ). Не

подлежитъ сомнѣнію, что буржуазія сознательно вызвала эту колоссальную, небывалую въ исторіи человѣчества гражданскую войну, чтобы сразу нанести смертельный ударъ ненавистной гидрѣ соціализма и вернуть рабочій классъ въ прежнее рабство. Нужда выгнала рабочихъ на улицы и заставила ихъ предпочесть смерть на баррикадахъ мукамъ голода. Горькая обида на вѣроломство правящихъ классовъ, которымъ рабочіе довѣряли въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, зажгла въ груди пролетаріевъ геройскую рѣшимость съ оружіемъ въ рукахъ возстать за свои попранныя права и отомстить угнетателямъ. «*Хлѣба или свинца*»! написали они на своихъ знаменахъ. Но опредѣленной соціальной программы они еще не имѣли. «Соціализмъ 1848 года,—говоритъ Поль Луи,—несмотря на богатую литературу послѣднихъ лѣтъ, оставался смутнымъ стремленіемъ къ лучшей долѣ, колоссальной и трогательной жалобой на злоупотребленія и неправедливости; онъ не успѣлъ еще привести своихъ тенденцій въ систему, высвободиться изъ-подъ ига отвлеченной фразеологіи и принять реалистическій характеръ». Если бы рабочіе даже побѣдили, то врядъ ли они сумѣли бы воспользоваться своей побѣдой.

Съ утра 23 іюня восточныя и южныя части города начинаютъ покрываться высокими баррикадами. На этотъ разъ возстаніе не выходитъ за предѣлы *рабочихъ предмѣстій*. Это было, въ полномъ смыслѣ классовое возстаніе пролетаріата; даже *женщины и дѣвушки* приняли участіе въ бою, ободряя своихъ мужей и братьевъ, подхватывая знамена, выпавшія изъ рукъ сраженныхъ бойцовъ, и платя своей жизнью за дѣло народа. Съ другой стороны, всѣ силы стараго общества, всѣ фракціи буржуазіи сгруппировались вокругъ Національнаго Собранія. Даже *учащаяся молодежь*, которая въ 1830 г. и въ февралѣ 1848 г. храбро дралась въ рядахъ рабочихъ, на этотъ разъ высказалась *противъ нихъ*; появленіе *студенческихъ* мундировъ въ рядахъ національной гвардіи произвело сильное впечатлѣніе на народъ, который старался въ нихъ *не стрѣлять*. Вчерашніе ярые демократы и радикалы единодушно ополчились противъ пролетаріата, посмѣвшаго поднять оружіе въ защиту своего класса, и старый Франсуа Араго лично повелъ войска противъ баррикады на площади Пантеона.

Даже послѣ того, какъ построены были многія баррикады, и противники обмѣнялись первыми выстрѣлами, рабочіе обнаруживали склонность покончить все дѣло миромъ. Они требовали *свободы и хлѣба* и протестовали противъ высылки ихъ въ провинцію. Но Національное Собраніе, съ радостью встрѣтившее вѣсть о томъ, что пролетаріи взялись за оружіе, и слышать не хотѣло ни о какомъ примиреніи, ни о какихъ уступкахъ. Нѣкоторыхъ депутатовъ, взывавшихъ къ голосу милосердія, прерывали и оскорбляли самымъ грубымъ образомъ. Буржуазія хотѣла нанести рабочему классу такой ударъ, послѣ котораго онъ долго не могъ бы оправиться. Этимъ объясняется то обстоятельство, что военный министръ Кавеньякъ не принималъ сначала никакихъ мѣръ противъ возставшихъ и позволилъ имъ безпрепятственно строить баррикады. Онъ хотѣлъ дать имъ собраться, а затѣмъ раздавить сразу.

Рабочіе защищались отчаянно. Безъ вождей, плохо вооруженные, они проявляли чудеса героизма. Скоро на баррикадахъ трехцвѣтныя знамена замѣняются *красными*, сдѣлавшимися классовыми знаменами пролетаріата. Объ энергіи инсургентовъ и размѣрахъ возстанія можно судить хотя бы по тому, что на одной улицѣ Сенъ-Жакъ было 34 баррикады. Каждую изъ нихъ войскамъ приходилось брать приступомъ; аттаки подневольной солдатчины, горѣвшей желаніемъ отомстить за февральское пораженіе, озлобленной національной гвардіи, защищавшей свои лавки, и дикой, озвѣрѣлой, опьянѣвшей отъ крови и порохового дыма мобильной гвардіи неоднократно отражались баррикадными бойцами, такъ что приходилось пускать въ дѣло артиллерію. Армейскіе солдаты не обнаруживали особаго желанія драться; зато національные и мобильные гвардейцы превзошли всѣ ожиданія реакціонеровъ. Трусливые въ обыкновенное время мѣщане выказали значительную отвагу, когда пришлось отстаивать свои барыши; тогда они были гораздо храбрѣе, чѣмъ черезъ 2½ года, когда надо было защищать свободу отъ Луи-Бонапарта. Что же касается мобильной гвардіи, то она въ безумной отвагѣ и жестокости далеко оставила за собой даже національныхъ гвардейцевъ; сначала рабочіе встрѣтили мобилей криками «ура!», думая, что эти дѣти улицы примкнутъ къ народу (этого опасалась и буржуазія). Но на-

дежды пролетаріата на продажныхъ и пьяныхъ черносотенцевъ были жестоко обмануты. Кровожадность мобилей превосходила всякія вѣроятія; къ тому же, подобно всѣмъ рабамъ, внезапно получившимъ силу, этимъ вооруженнымъ мальчишкамъ очень понравилась комедія военнаго суда; они устраивали на улицѣ военно-полевой судъ, приговаривали къ смерти плѣнныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ ихъ штыковъ, и тутъ же ихъ разстрѣливали.

Первый день битвы не привелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ. Въ отсутствіе генерала Кавеньяка, лично распоряжавшагося штурмомъ баррикадъ на бульварахъ, *Ледрю Ролленъ* по телеграфу потребовалъ немедленной присылки по желѣзной дорогѣ армейскихъ полковъ и національной гвардіи изъ департаментовъ вплоть до Брестскихъ и Шербургскихъ матросовъ. Національное Собраніе въ утреннемъ засѣданіи 24 іюня, во время котораго другой крайній радикалъ *Флококъ* съ пѣной у рта напалъ на возставшихъ рабочихъ, устранило Исполнительную Комиссію, давно уже возбуждавшую его недовольство, объявило Парижъ въ *осадномъ положеніи* и вручило всю исполнительную власть генералу Кавеньяку. Такимъ образомъ, этотъ жестокій солдатъ, получившій свое воспитаніе въ Алжирѣ, недостойный братъ демократа-республиканца Годфруа Кавеньяка, сдѣлался полновластнымъ диктаторомъ и господиномъ Парижа. Поддерживаемый большинствомъ національнаго Собранія, онъ рѣшилъ дѣйствовать *безпощадно*.

Инсургенты, несмотря на весь свой героизмъ, обречены были на пораженіе. Вотъ что разсказываетъ членъ Національнаго Собранія А. Токвиль: «По всѣмъ дорогамъ, которыя не были во власти мятежниковъ, вступали въ городъ тысячи людей, спѣшившихъ къ намъ на помощь со всѣхъ концовъ Франціи[1]). Благодаря желѣзнымъ дорогамъ они даже пріѣзжали изъ мѣстностей, отстоявшихъ отъ Парижа на 50 миль, несмотря на то, что борьба началась только наканунѣ вечеромъ. На другой день и въ слѣдующіе дни они пріѣзжали изъ мѣстностей, отдѣленныхъ отъ Парижа разстояніемъ въ *сто и двѣсти миль*. Эти люди принадлежали ко всякимъ

---

[1]) Герценъ разсказываетъ, что отряды національной гвардіи, вступавшіе въ столицу изъ пригородовъ, или «полу-лавочники, полу-мужики», шли съ криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Это былъ плохой знакъ.

классамъ населенія; между ними были и крестьяне, и буржуа, и крупные землевладѣльцы, и аристократы; они не были хорошо вооружены, но они устремлялись внутрь Парижа *съ удивительнымъ пыломъ;* въ лѣтописяхъ нашихъ революцій это было такое же *странное и новое явленіе,* какъ и само возстаніе парижскихъ рабочихъ. Съ той минуты стало очевиднымъ, что побѣда останется за нами, потому что мятежники не получали никакихъ подкрѣпленій, а для насъ служила резервомъ вся Франція». «Добровольцы безпрестанно массами вступали въ Парижъ... Почти *всѣ старые мѣстные дворяне взялись за оружіе* и вошли въ составъ отряда, пришедшаго изъ Ламаншскаго департамента. То же можно сказать почти о всѣхъ другихъ французскихъ департаментахъ. *Начиная съ мелкихъ дворянъ,* совершенно погрязнувшихъ въ мелочахъ провинціальной жизни, *и кончая элегантными и ни на что неспособными членами аристократическихъ семействъ,*— всѣ вспомнили въ то время, что принадлежали къ воинственной и господствующей кастѣ, и повсюду подавали примѣръ мужественной энергіи».

Кавеньякъ, облеченный диктаторскими полномочіями, телеграфировалъ въ департаментъ нижней Сены, чтобы ему прислали всю пѣхоту, какую только можно, и приказалъ направить къ Парижу даже Альпійскую армію. Инсургенты, къ которымъ 24 іюня присоединилось общество «Правъ человѣка» и значительная часть рабочихъ національныхъ мастерскихъ, до тѣхъ поръ державшихся въ сторонѣ, еще разсчитывали на побѣду и на помощь своихъ собратьевъ изъ провинціальныхъ городовъ, Руана, Гавра и Лилля. Бой вспыхнулъ на всѣхъ пунктахъ съ удвоенной силой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ рядовъ рабочей массы выдвинулись импровизированные вожди въ лицѣ отставныхъ алжирскихъ и наполеоновскихъ солдатъ и унтеровъ. Національные гвардейцы и войска принуждены были по нѣсколько часовъ штурмовать одну баррикаду. Единственная баррикада улицы предмѣстья Пуассоньеръ держалась четыре часа и была взята только благодаря прибытію Руанской національной гвардіи, напавшей на ея защитниковъ съ тыла. Такая же ожесточенная борьба шла на улицѣ Сенъ-Дени, гдѣ машинисты Сѣверной желѣзной дороги цѣлый день держались противъ армейскихъ отрядовъ, мобильной гвардіи и артиллеріи, на-

прасно осыпавшей баррикаду десятками бомбъ и ядеръ. А въ центрѣ города инсургенты въ ночь съ 23 на 24 даже взяли обратно позиціи, утерянныя наканунѣ. И только ночью, съ прибытіемъ сильныхъ подкрѣпленій, партіи порядка удается очистить улицы, окружающія Ратушу. Съ другой стороны, инсургенты овладѣли мэріей VIII округа, на которой водрузили красное знамя, обезоружили 350 солдатъ и захватили много оружія и военныхъ снарядовъ. Зато у Пантеона инсургенты были оттѣснены, а церковь захвачена солдатами.

Мрачная ночь нависла надъ великимъ городомъ; глубокое молчаніе изрѣдка только прерывалось тревожнымъ крикомъ часовыхъ: «слуша-ай!» Озлобленіе достигло съ обѣихъ сторонъ крайнихъ предѣловъ, но въ то время, какъ рабочіе проявляли поразительное великодушіе и благородство [1]), испорченные мобили, потерявшіе голову національные гвардейцы, солдаты, привыкшіе въ Алжирѣ къ звѣрскимъ расправамъ съ туземцами, полудикіе крестьяне, согнанные изъ провинціи и готовые со страху застрѣлить перваго встрѣчнаго, разжигаемые безсовѣстной клеветой реакціонныхъ агентовъ на пролетаріатъ, покрыли себя позоромъ и проявили невиданную жестокость. Разстрѣлъ плѣнныхъ сдѣлался обычнымъ дѣломъ, сопровождавшимся циничнымъ издѣвательствомъ надъ жертвами. Но это поведеніе защитниковъ «порядка» еще сильнѣе побуждало рабочихъ къ сопротивленію, придавая имъ мужество отчаянія; жена и дѣти окружали рабочаго, возбуждая въ немъ мужество и подстрекая его къ сопротивленію

Въ воскресенье 25 іюня въ 9 часовъ утра генералъ Кавеньякъ въ третій разъ подалъ сигналъ къ аттакѣ. Въ рукахъ инсургентовъ оставались еще главныя рабочія предмѣстья: Сенъ-Марсель, Сентъ-Антуанъ, Сенъ-Мартэнъ и Тампль, а также внѣшніе бульвары. Соціальный характеръ возстанія все болѣе выступаетъ наружу; бонапартистскіе агенты, сначала примѣшавшіеся къ инсургенціи, мало-помалу улетучиваются; повсюду развѣваются красныя знамена. Бывшая республиканская полиція Коссидьера («монтаньяры»), распущенная Національнымъ Собраніемъ, защищаетъ огромную баррикаду на улицѣ Сенъ-Моръ вышиной въ два этажа.

---

[1]) Стоитъ вспомнить извѣстный разсказъ Тургенева «Наши послали».

Ожесточеніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Множество домовъ разрушено артиллеріей. Но инсургенты принуждены отступать передъ подавляющей силой противниковъ. Войска берутъ приступомъ 68 баррикадъ улицы Св. Антонія и выходятъ на площадь Бастиліи.

Здѣсь построены самыя грозныя баррикады, прикрывающія входъ въ предмѣстье Св. Антонія, знаменитое въ лѣтописяхъ революціонныхъ событій. Въ этомъ мѣстѣ пролетаріатъ даетъ торжествующей буржуазіи послѣднее отчаянное сраженіе. Въ этотъ рѣшительный моментъ снова дѣлается попытка примирить враждующія стороны. Парижскій архіепископъ Аффръ съ двумя священниками отправляется къ инсургентамъ, чтобы убѣдить ихъ положить оружіе. Рабочіе встрѣчаютъ его очень почтительно, но въ это время войска даютъ неожиданный залпъ, и одна пуля наноситъ старому прелату смертельную рану. Делегація отъ рабочихъ, принятая генераломъ Кавеньякомъ, не могла добиться отъ него никакихъ уступокъ, онъ требовалъ безусловной сдачи. Делегаты вернулись на баррикады, на которыхъ молча стояли шесть тысячъ бойцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая своихъ посланцевъ. Узнавши отвѣтъ диктатора, всѣ они воскликнули съ яростью: «Смерть Кавеньяку! смерть палачу народа!» Срокъ перемирія истекъ, и начался послѣдній бой. Но снаряды бойцовъ истощились, и смерть висѣла надъ ихъ головами. Къ вечеру 25 іюня пали послѣднія твердыни пролетаріата. Послѣднимъ сдалось предмѣстье Лавилетъ.

Теперь началась расправа. Побѣдители были безпощадны. Аресты, казни и ссылки посыпались на головы какъ революціонеровъ, такъ и мирныхъ обывателей. Погибло не менѣе *трехъ съ половиной тысячъ человѣкъ;* около 5.000 были осуждены военными судами въ каторгу. «Послѣ бойни,—говоритъ Герценъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія: улицы были еще оцѣплены; рѣдко-рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ. Надменная національная гвардія съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ. Ликующія толпы пьяной мобили ходили по бульварамъ, распѣвали «Mourir pour la patrie» («Умереть за отечество»—модная въ то время пѣсня); мальчишки 16—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ: на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за при-

лавка, чтобы привѣтствовать побѣдителей... А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились; стѣны, разбитыя ядрами, обваливались; раскрытая внутренность комнатъ представляла каменныя раны; сломанная мебель тлѣла; куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... Мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все-таки выступала... По бульварамъ стояли палатки; лошади глодали береженыя деревья Елисейскихъ Полей; на площади Согласія вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла; въ Тюльерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ... Этого Парижъ не видалъ и въ 1814 году (т. е. во время нашествія союзниковъ)»

А. Марксъ писалъ: «Послѣдній официальный остатокъ февральской революціи—Исполнительная Комиссія разсѣялась, какъ призракъ, передъ силой событій. Риторическій фейерверкъ Ламартина замѣнили зажигательныя ракеты Кавеньяка. Fraternité, *братство противоположныхъ классовъ, изъ которыхъ одинъ эксплоатируетъ другой*, братство, провозглашенное въ февралѣ, громадными буквами написанное на челѣ Парижа, на каждой тюрьмѣ, на каждой казармѣ,—это братство нашло свое истинное, неподдѣльное, прозаическое выраженіе въ *гражданской войнѣ* въ самой страшной ея формѣ—въ войнѣ между трудомъ и капиталомъ. Это братство пылало во всѣхъ окнахъ Парижа 25 іюня, когда буржуазный Парижъ устроилъ благодарственную иллюминацію, между тѣмъ какъ рабочій Парижъ истекалъ кровью и испускалъ послѣдніе вздохи. Братство продолжалось ровно столько времени, пока братски совпадали интересы буржуазіи и пролетаріата. Педанты старыхъ революціонныхъ традицій 1793 года; соціалистическіе доктринеры, выпрашивавшіе у буржуазіи милостыню для народа и получившіе позволеніе держать длинныя проповѣди и компрометировать себя, пока нужно было усыплять льва—пролетаріатъ; республиканцы, стоявшіе за весь буржуазный строй за вычетомъ его коронованной главы; династическая оппозиція, которая желала перемѣны министерства и по волѣ случая очутилась лицомъ къ лицу передъ революціей; легитимисты, желавшіе лишь перемѣнить покрой ливреи, а не сбросить ее,—вотъ съ какими союзниками народъ одержалъ свою февральскую побѣду.—Февральская революція была революціей *красивыхъ порывовъ*, она пользовалась всеобщимъ сочувствіемъ, потому что противо-

положности между элементами, сообща возставшими противъ королевской власти, еще *не успѣли развиться* и мирно уживались рядомъ, потому что соціальная борьба, составлявшая фонъ этой революціи, не вышла еще изъ туманной области фразъ и громкихъ словъ.—*Іюньская революція* была *гадкой, отталкивающей* революціей, потому что здѣсь фразу замѣнило дѣло, потому что республика обнажила самую голову чудовища, сорвавъ съ нея защищенную и скрывавшую ее корону.—*Порядокъ!* былъ боевой кличъ Гизо. *Порядокъ!* воскликнулъ его ученикъ Себастіани, когда русскіе взяли Варшаву. *Порядокъ!* кричитъ Кавеньякъ, грубое эхо французскаго Національнаго Собранія и республиканской буржуазіи. *Порядокъ!* гремѣла его картечь, разрывая въ клочья тѣло пролетаріата. Ни одна изъ многочисленныхъ революцій французской буржуазіи съ 1789 года не была покушеніемъ на *порядокъ*, такъ какъ онѣ оставляли нетронутыми господство буржуазіи и рабство рабочихъ, *не касались буржуазнаго порядка* и измѣняли лишь политическую форму этого господства и этого рабства. Іюньское возстаніе посмѣло коснуться и этого порядка. Горе іюню! Горе іюню,—отвѣчаетъ европейское эхо».

Іюньская кровавая баня [1]) на цѣлыя двадцать лѣтъ согнала французскій пролетаріатъ съ широкой политической сцены. Отброшенный въ низы соціальной жизни, онъ потерялъ вѣру въ свои силы и энергію и утратилъ рѣшимость опрокинуть буржуазное общество въ его основаніяхъ. Отнынѣ только нѣкоторая незначительная часть его пытается улучшить свое положеніе самыми скромными средствами, путемъ основанія различныхъ артелей, товариществъ и т. д. Понадобилось громкое выступленіе Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціонала), для того чтобы пробудить французскій рабочій классъ къ политической жизни и широкой общественной дѣятельности.

---

[1]) Во время трехъ «іюньскихъ дней» 1869 года было убито *500* человѣкъ, во время трехъ дней февральской революціи—около *200*, а во время іюньскихъ дней—нѣсколько *тысячъ*: по словамъ Кавеньяка, армія потеряла въ эти дни около *700* человѣкъ убитыми и ранеными, при чемъ погибло 7 генераловъ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Реакція. — Избраніе президента. — Конецъ республики.

Іюньскіе дни прозвучали похороннымъ звономъ для Второй Республики [1]). Съ момента пораженія парижскаго пролетаріата начинается агонія республики, медленная смерть которой была насильственно ускорена государственнымъ переворотомъ 2 декабря 1851 года.

За іюньскими днями послѣдовала реакція не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Іюньская битва открыла монархическимъ правительствамъ ту тайну, что «Франціи необходимо во что бы то ни стало сохранять внѣшній миръ, для того чтобы вести гражданскую войну у себя дома». Съ этого момента реакція всюду поднимаетъ голову; австрійское, прусское, различныя германскія и итальянскія правительства, берутъ обратно тѣ уступки, которыя они принуждены были сдѣлать народамъ, возставшимъ послѣ февральской революціи.

28 іюня генералъ Кавеньякъ сложилъ съ себя диктатуру. Національное Собраніе приняло резолюцію, гласившую, что этотъ жестокій кондотьери «оказалъ великія услуги отечеству», и назначило его главой исполнительной власти впредь до выработки конституціи. Кавеньякъ поспѣшилъ назначить министерство, въ которомъ замѣтное мѣсто занимали военные. Затѣмъ начался разгулъ реакціи, причемъ для подавленія демократіи трехцвѣтные республиканцы тѣсно сблизились съ монархистами. Національныя мастерскія, равно какъ множество клубовъ были закрыты; масса газетъ вовсе запрещена, а для другихъ снова установленъ залогъ, и вдобавокъ изданъ строгій законъ о преступленіяхъ печати. Полномочія полиціи были расширены, а осадное положеніе продолжено. Еще 26 іюня Учредительное Собраніе назначило слѣдственную комиссію подъ предсѣдательствомъ монархиста Одилона Барро о событіяхъ 15 мая и іюньскихъ дней.

---

[1]) Первая французская Республика провозглашена была въ 1792 г. и просуществовала до 1804 г., когда была замѣнена Первой Имперіей. Вторая—отъ 1848 до 1852 г. Третья провозглашена въ 1870 году и существуетъ донынѣ.

Это слѣдствіе было прямо направлено противъ Луи Блана, Ледрю-Роллена и Коссидьера, Умѣренные республиканцы торопились вырыть яму своимъ демократическимъ конкурентамъ, но этимъ поведеніемъ они подготовляли свое собственное паденіе. Ледрю-Роллену удалось оправдаться, но Луи Бланъ долженъ былъ бѣжать въ Лондонъ.

Затѣмъ Собраніе отмѣнило декретъ Временнаго Правительства, которымъ устанавливается 10-часовой рабочій день, и опредѣлило нормальную продолжительность его въ 12 часовъ. Возстановлены были откруа, то-есть городскія пошлины на съѣстные припасы, особенно тяжело ложащіяся на бѣдный классъ. Зато проектъ обложенія капитала въ видѣ налога на гипотеки былъ Собраніемъ отвергнутъ, а личное задержаніе за долги возстановлено. Теперь мелкая буржуазія могла понять, какой гигантскій промахъ она совершила, помогая высшимъ классамъ раздавить пролетаріатъ. Избавившись отъ этого опаснаго врага, крупные богачи снова взялись за мѣщанъ. Благодаря общему застою въ дѣлахъ многіе мелкіе лавочники не могли во-время уплатить по векселямъ и за квартиру; тѣмъ не менѣе, Собраніе отвергло предложеніе о «полюбовныхъ сдѣлкахъ» между должниками и кредиторами, обрекая мелкихъ буржуа на разореніе и рабство. Въ отвѣтъ на эти мѣры, Парижъ 19 сентября 1848 г. избралъ въ Собраніе Луи Бонапарта и коммуниста Распайля, сидѣвшаго тогда въ Венсенской тюрьмѣ. Мелкая буржуазія, поняв-ши, что въ іюньскіе дни она «спасала собственность не для себя, а для крупныхъ капиталистовъ», снова готова была, казалось, заключить союзъ съ пролетаріатомъ. Но уже было поздно.

Главная задача Учредительнаго Собранія заключалась въ выработкѣ конституціи французской республики. Оно выполнило эту задачу въ сентябрѣ и октябрѣ. Эта конституція признавала республику окончательной формой правленія; заявляла, что своимъ принципомъ республика признаетъ свободу, равенство и братство (это во время осаднаго-то положенія!); въ туманныхъ выраженіяхъ говорила о взаимныхъ отношеніяхъ между гражданами и республикой. Этой конституціей верховная власть признавалась за всей націей; вводилось всеобщее, прямое и тайное избирательное право (активное — по достиженіи 21 года и пассивное — по

достиженіи 25 лѣтъ); депутатамъ назначалось жалованье въ размѣрѣ 25 франковъ въ день; устанавливалась однопалатная система. Въ основу конституціи положено было раздѣленіе властей: законодательная власть передавалась верховнымъ народомъ единому Національному Собранію, а исполнительная—президенту республики. Но, какъ остроумно замѣчаетъ Марксъ, «если перекрестить христіанскій календарь въ республиканскій, святого Варѳоломея въ святого Робеспьера, то погода отъ этого не перемѣнится. Столь-же мало эта конституція измѣнила или должна была измѣнить буржуазное общество». Къ торжественному ея провозглашенію, состоявшемуся въ дождливый, холодный день 4 ноября, въ присутствіи массы войскъ и духовенства, народная масса отнеслась совершенно безучастно. Послѣ того, какъ раздавленъ былъ революціонный пролетаріатъ, изъ-подъ конституціоннаго зданія вырванъ былъ его устой, а конституцію ждала скорая и безславная смерть.

Февральскія розы быстро завяли. Въ первомъ проектѣ конституціи, составленномъ до іюньскаго побоища, говорилось о *правѣ на трудъ*, которое, какъ мы знаемъ, признано было Временнымъ Правительствомъ. Но теперь времена измѣнились. Послѣ доклада Марра, рѣзко напавшаго на эту формулу подъ тѣмъ предлогомъ, что рабочая масса, «придавая этому праву ненадлежащій смыслъ, можетъ воспользоваться имъ какъ мятежнымъ девизомъ», это право было вычеркнуто изъ проекта конституціи. Тщетно Матье изъ Дромскаго департамента, Ледрю-Ролленъ и другіе предлагали внести это право въ конституцію; Собраніе согласилось съ Токвилемъ и Тьеромъ, которые отъ имени крупной буржуазіи яростно напали на соціализмъ, и право на трудъ было безвозвратно похоронено, даже въ смыслѣ права на общественное призрѣніе (какъ предлагалъ Глэ-Бизуэнъ), большинствомъ 596 голосовъ противъ 197. Соціальныя учрежденія, которыми была обставлена республика, по требованію побѣдоносныхъ февральскихъ бойцовъ, были уничтожены цѣликомъ. Осталась лишь чисто политическая и олигархическая республика, которой скоро суждено было сойти въ могилу вслѣдъ за пролетаріатомъ, но безъ его славы.

Этому содѣйствовалъ основной недостатокъ конституціи 1848 года. Въ силу ея, глава исполнительной власти, прези-

дентъ республики, выбирался прямой подачей голосовъ всѣми французскими гражданами. Такимъ образомъ, онъ одинъ имѣлъ за себя столько же голосовъ, сколько всѣ депутаты вмѣстѣ. Чтобы ослабить громадную власть президента, конституція 1848 года обставила ее цѣлымъ рядомъ ограниченій, главнымъ изъ которыхъ было то постановленіе, что президентъ, избираемый на четыре года, не могъ по прошествіи этого срока переизбираться въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ. Но такимъ образомъ только создана была почва для будущихъ столкновеній между президентомъ и Національнымъ Собраніемъ. Буржуазія не слушала предостерегающихъ голосовъ; она хотѣла имѣть «серьезное, рѣшительное и смѣлое правительство» (слова Ламартина); она получила диктатора, который уничтожилъ буржуазную свободу.

Президентскіе выборы назначены были на 10 декабря. Изъ предосторожности, было рѣшено, что если ни одинъ изъ кандидатовъ не получитъ двухъ милліоновъ голосовъ, право выбора переходитъ отъ націи къ Учредительному Собранію. Кандидатомъ буржуазіи былъ Кавеньякъ, ненавистный рабочему классу (онъ получилъ 1.448.107 голосовъ); радикальная мелкая буржуазія выставила кандидатуру вождя парламентской лѣвой («Горы») Ледрю-Роллена (370.719 голосовъ); сознательные рабочіе голосовали за Распайля (36.329 голосовъ). Но всѣхъ этихъ кандидатовъ [1]) оставилъ далеко за собой «племянникъ своего дяди», принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, который получилъ 5.434.226 голосовъ и, такимъ образомъ, оказался избраннымъ въ президенты республики.

Монархическіе элементы и буржуазія сочувственно относились къ избранію Бонапарта, въ которомъ видѣли прелюдію къ уничтоженію республики. Масса мѣщанства и пролетаріата голосовали за Наполеона, чтобы содѣйствовать провалу ненавистнаго Кавеньяка; но главную массу голосовъ доставили Бонапарту крестьяне. Оставленные на произволъ судьбы послѣ Великой Революціи 1789 года, забытые всѣми правительствами, которыя умѣли лишь выколачивать изъ крестьянъ подати, они стояли въ сторонѣ отъ историческаго движенія и не высказывались опредѣленно ни за какую политическую систему. Въ первое время послѣ февральской

[1]) Ламартинъ также получилъ 7.910 голосовъ.

революціи крестьяне, быть можетъ, высказались бы въ пользу республики, если бы имъ обѣщано было *уничтоженіе долговъ*, и если бы выборы были произведены немедленно послѣ февральскаго переворота. Но вмѣсто облегченія Временное Правительство обложило ихъ добавочнымъ налогомъ, а тѣмъ временемъ реакціонные агенты успѣли возстановить крестьянъ противъ соціалистическихъ рабочихъ и противъ республики вообще.

«10 декабря 1848 г.,—говоритъ Марксъ,—было днемъ *крестьянскаго возстанія*. Лишь съ этого дня начинается февраль для французскихъ крестьянъ. Этотъ символъ, возвѣщавшій ихъ вступленіе въ революціонное (?) движеніе [1]), безпомощный и коварный, плутовской и наивный, дурацкій и величественный, это расчетливое суевѣріе, этотъ патетическій фарсъ, геніально-глупый анахронизмъ, пошлая шутка всемірной исторіи, непонятный гіероглифъ для цивилизованнаго ума,—этотъ символъ носилъ несомнѣнную печать того класса, который является представителемъ варварства внутри цивилизаціи. Республика предстала передъ нимъ въ лицѣ *сборщика податей*, онъ явился передъ республикой въ лицѣ *императора* [2]). Наполеонъ былъ единственнымъ человѣкомъ, въ которомъ нашли себѣ полное выраженіе интересы и фантазія новообразованнаго въ 1789 году крестьянскаго класса. Написавъ его имя на фронтонѣ республики, крестьянство этимъ самымъ объявило войну иностраннымъ государствамъ и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеонъ былъ для крестьянъ не личностью, а программой. Со знаменами, съ музыкой шли они къ избирательной урнѣ, восклицая: «Не надо податей, долой богачей, долой республику, да здравствуетъ императоръ»! За спиной императора скрывалась крестьянская война. Они провалили на выборахъ *республику богачей*». Да, но лишь для того, чтобы возстановить *монархію богачей* и шпіоновъ.

20 декабря Кавеньякъ сложилъ съ себя власть, а Луи Наполеонъ принесъ установленную присягу и обѣщалъ «исполнять свои обязанности, *какъ честный человѣкъ*». На-

[1]) Въ то время, какъ писались эти строки (въ началѣ 1850 года), Марксъ еще предполагалъ, что скоро вспыхнетъ новая революція.

[2]) Уже тогда проницательные люди предвидѣли, что избраніе Луи Бонапарта въ президенты, въ концѣ концовъ, поведетъ къ возстановленію имперіи.

чалъ онъ съ того, что назначилъ министерство изъ монархистовъ подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро, послѣдняго министра Луи-Филиппа, поселился въ Елисейскомъ Дворцѣ, гдѣ окружилъ себя монархическимъ церемоніаломъ, и всюду усилилъ военный элементъ.

Все президентство Бонапарта, окружившаго себя множествомъ проходимцевъ и на все способныхъ авантюристовъ, было сплошнымъ рядомъ реакціонныхъ мѣропріятій и столкновеній съ Національнымъ Собраніемъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на мелкихъ фактахъ, а укажемъ лишь на главныя событія, которыми отмѣченъ былъ послѣдній періодъ заживо разлагавшейся республики.

Прежде всего крупная буржуазія, политическимъ представителемъ которой была «партія Порядка», нанесла сильный ударъ мелко-буржуазной демократіи, занявшей послѣ іюньскаго пораженія рабочихъ мѣсто крайней оппозиціи. 26 мая 1849 года закрылось Учредительное Собраніе, а черезъ два дня открылось новое Законодательное Собраніе. Въ этомъ Собраніи монархисты располагали уже подавляющимъ большинствомъ (около 500 голосовъ изъ 750). Промежуточная партія «трехцвѣтныхъ» республиканцевъ потерпѣла на выборахъ полное пораженіе, успѣвши провести всего нѣсколько десятковъ своихъ депутатовъ. Она выполнила свое дѣло усыпленія и разгромленія пролетаріата, и теперь буржуазія отбросила ее прочь, какъ выжатый лимонъ. Единственное сопротивленіе торжествующей реакціи могла оказать партія Горы (монтаньяры [1]), «красные» или «соціально-демократическая» партія), представлявшая союзъ *мѣщанства пролетаріата и части крестьянства*, съ явно-выраженнымъ преобладаніемъ мелко-буржуазныхъ элементовъ. Вождемъ этой партіи, располагавшей 180 мѣстами въ Собраніи, былъ Ледрю-Ролленъ.

Столкновеніе между реакціоннымъ большинствомъ Собранія и демократической оппозиціей произошло очень скоро на почвѣ внѣшней политики. Хотя конституція 1848 г. обѣщала, что Франція никогда не обратитъ своего оружія противъ свободы другихъ націй, тѣмъ не менѣе Кавеньякъ въ

---

[1]) Назвавшіе себя такъ въ подражаніе революціонерамъ 1793 года. Тогдашнихъ «соціальныхъ демократовъ» не слѣдуетъ смѣшивать съ современной пролетарской соціалъ-демократіей.

ноябрѣ 1848 г. отправилъ военный флотъ въ Италію, чтобы *защитить папу отъ революціонеровъ*. Луи Бонапартъ уже открыто выступилъ въ защиту папы отъ римскаго народа. И Кавеньякъ, и Бонапартъ, такимъ образомъ, пускали въ ходъ избирательную рекламу, такъ какъ они разсчитывали своими дѣйствіями привлечь на свою сторону католическихъ поповъ, а черезъ нихъ и крестьянъ. Уже 8 января 1849 г. Ледрю-Ролленъ въ Учредительномъ Собраніи интерпеллировалъ по этому поводу министерство, но оно заявило, что ничего не знаетъ. Собраніе удовлетворилось этой наглой ложью. 14 апрѣля 1849 года въ Чивитта-Веккію отправленъ былъ французскій корпусъ подъ начальствомъ Удино, яко-бы для того, чтобы слѣдить за дѣйствіями австрійцевъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы вмѣшаться въ пользу папы противъ римской революціи: 10 іюня стало извѣстно, что Удино бомбардировалъ Римъ.

11 іюня Ледрю-Ролленъ внесъ предложеніе о преданіи суду президента и министровъ за нарушеніе конституціи, угрожая, что «республиканцы *не остановятся* ни передъ чѣмъ для того, чтобы заставить уважать конституцію, *даже передъ силой оружія*». Вечеромъ 11 іюня произошло свиданіе нѣкоторыхъ депутатовъ Горы съ делегатами тайныхъ рабочихъ обществъ; послѣдніе совѣтовали начать возстаніе въ тотъ же вечеръ. Но мѣщанская демократія не рѣшилась на такой опрометчивый шагъ; вдобавокъ, она боялась рабочихъ не меньше, чѣмъ монархическихъ членовъ Національнаго Собранія. Съ своей стороны, наученные горькимъ опытомъ, рабочіе тоже не довѣряли демократамъ; они заготовили рабочую коммуну, которая въ случаѣ побѣды революціонеровъ должна была дѣйствовать рядомъ съ новымъ Временнымъ Правительствомъ.

На слѣдующій день Законодательное Собраніе подавляющимъ большинствомъ отвергло обвинительный актъ, представленный Горой противъ исполнительной власти. Въ видѣ протеста, депутаты лѣвой удалились изъ Собранія; послѣ долгихъ преній они рѣшили заставить уважать конституцію всѣми средствами, *исключая силы оружія*. Это было равносильно признанію своего моральнаго банкротства. 13 іюня 1849 г. появилось въ демократическихъ газетахъ воззваніе къ народу, коимъ президентъ, министры и

реакціонные члены Собранія объявлялись «внѣ конституціи», а національная гвардія, народъ и армія приглашались возстать въ защиту этой конституціи. Въ тотъ же день организована была мирная демонстрація по бульварамъ; около 30.000 человѣкъ, по большей части національныхъ гвардейцевъ безъ оружія, а также часть членовъ тайныхъ рабочихъ обществъ, двигались по бульварамъ съ криками: «да здравствуетъ конституція»! Войска подъ командой генерала Шангарнье разогнали манифестантовъ сабельными ударами; толпа разбѣжалась съ жидкими криками «къ оружію»! Попытка Ледрю-Роллена организовать сопротивленіе въ Консерваторіи Искусствъ и Ремеслъ съ помощью артиллеріи національной гвардіи не удалась. Возстаніе мѣщанства было сразу и безъ труда подавлено [1]).

Демократическая партія, не поддержанная какъ слѣдуетъ массой мелкой буржуазіи, была разбита и разгромлена. Часть мелкобуржуазныхъ демократовъ, въ томъ числѣ Ледрю-Ролленъ, спаслась бѣгствомъ за границу, куда въ прошломъ году бѣжали вожди пролетаріата, а другая часть была арестована. «Порядокъ» снова одержалъ побѣду; но теперь онъ раздавилъ послѣднюю опору республики, мелкую буржуазію, подобно тому, какъ въ іюнѣ 1848 г. онъ подавилъ революціонный пролетаріатъ. Вооруженная сила мелкой буржуазіи,—парижская артиллерія, 8-ой, 9-ый и 12-ый легіоны національной гвардіи,—подозрѣваемые въ сочувствіи демократической партіи, были распущены. То же самое произошло и въ департаментахъ. Вдобавокъ, Парижъ и Ліонъ объявлены были въ осадномъ положеніи, и снова начался разгулъ реакціи, запрещеніе газетъ, аресты, высылки и т. п. Монархическая крупная буржуазія сдѣлалась господиномъ положенія. Послѣдніе слѣды февральскаго переворота были изглажены.

Реакціонная политика Законодательнаго Собранія начала подготовлять новый взрывъ революціоннаго настроенія въ странѣ. Это съ особенной ясностью проявилось во время частичныхъ выборовъ 10 марта 1850 г., когда въ Парижѣ избраны были демократическо-соціальные кандидаты, Де-

[1]) Провинція не откликнулась на это движеніе. Только пролетарскій Ліонъ возсталъ, но рабочіе, вѣрившіе въ успѣхъ новой парижской вспышки, были подавлены послѣ кровавой схватки.

флоттъ, другъ Бланки, сосланный послѣ іюньскихъ дней, и коммунистическій писатель Видаль, а также умѣренный республиканецъ Карно, сторонникъ свѣтской народной школы [1]); 28 апрѣля въ Парижѣ былъ выбранъ извѣстный романистъ Эжень Сю. Тогда партія Порядка рѣшилась посягнуть на основу конституціи, на главное завоеваніе революціи, а именно на *всеобщее избирательное право*. Съ того момента, какъ всеобщее избирательное право отказывалось, повидимому, служить высшимъ классамъ, а народъ, казалось, обнаружилъ желаніе воспользоваться имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, буржуазія рѣшилась сдать его въ архивъ, какъ негодный хламъ.

Бонапартовское министерство было настолько осторожно, что не взяло этотъ законопроектъ на свою отвѣтственность. 8 мая онъ былъ внесенъ въ Собраніе отъ имени парламентской комиссіи. 31 мая законопроектъ, несмотря на безсильные протесты Горы, былъ принятъ 433 голосами противъ 241. По этому закону, направленному, главнымъ образомъ, противъ рабочихъ, которыхъ Тьеръ во время дебатовъ назвалъ «низкой чернью», избирательнымъ правомъ пользовались только лица, прожившія не меньше трехъ лѣтъ въ предѣлахъ одной общины, причемъ избиратели-рабочіе должны были представлять свидѣтельства отъ своихъ хозяевъ. Число избирателей сразу сократилось на 3.000.000 человѣкъ (съ 10 милліоновъ до 7); пострадали, главнымъ образомъ, пролетаріи. Безропотно покорившись насилію Національнаго Собранія, отнявшаго у него политическія права, рабочій классъ доказалъ, что іюньское пораженіе сдѣлало его надолго неспособнымъ къ борьбѣ и къ активнымъ дѣйствіямъ. Къ тому же экономическій кризисъ, взволновавшій массы въ 1848 г., уже прошелъ; промышленность и торговля въ 1850 году процвѣтали, а этотъ экономическій подъемъ также ослаблялъ энергію пролетаріата.

Дальнѣйшія событія представляютъ рядъ закулисныхъ интригъ и парламентскихъ столкновеній, на которыхъ мы останавливаться не можемъ, такъ какъ это выходитъ за пре-

---

[1]) Законодательное Собраніе приняло законъ о народномъ образованіи, составленный іезуитомъ Фаллу и отдававшій народную школу въ руки католическаго духовенства. Окончательно этотъ законъ Фаллу былъ отмѣненъ только въ 1904 году.

дѣлы нашего очерка. Революція прошла свой кругъ и быстрыми шагами подвигалась къ гибели. Пролетаріатъ въ 1848 г. оказался еще слишкомъ слабымъ для того, чтобы сдѣлать *свою* революцію. Республикой съ самаго начала овладѣла буржуазія; своей властью она воспользовалась лишь для того, чтобы скомпрометировать идею республики въ глазахъ широкихъ массъ населенія. И когда дерзкій авантюристъ Луи Бонапартъ, опираясь на подонки общества и на слѣпую вооруженную силу, произвелъ 2 декабря 1851 года государственный переворотъ, разогнавши Національное Собраніе и арестовавши часть депутатовъ, оказалось, что буржуазную *республику некому защищать*. Вдобавокъ, хитрый демагогъ, объявивши Парижъ и десять примыкающихъ къ нему департаментовъ въ осадномъ положеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ *возстановилъ всеобщее избирательное право*, отмѣненное Законодательнымъ Собраніемъ. Тщетно депутаты, уцѣлѣвшіе отъ арестовъ, призывали народъ къ сопротивленію измѣнннику-президенту. Масса, лишенная вождей и организаціи, терроризованная массой военныхъ силъ, деморализованная испытанными пораженіями, не шелохнулась. Буржуазія, раздавившая рабочихъ и мѣщанъ съ помощью сабли, сама наказана была поднятымъ ею мечомъ.

2 декабря 1851 г. республика перестала существовать фактически, а черезъ годъ Луи Бонапартъ объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Наполеона III. Вся европейская реакція радостнымъ воемъ привѣтствовала гибель французской республики, нѣкогда пробудившей среди народовъ надежду на лучшее будущее.